

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 13

9 апреля 1928 г.

№ 13

К конкурсу секций советов.

Работа административно - правовой секции Моссовета.

Пронсходящий конкурс на лучшую секцию совета, на ряду с выявлением достижений и опыта в работе каждой секции, должен выявить и недочеты в работе с тем, чтобы эти недочеты были учтены и изжиты в дальнейшей массовой секционной работе. Поэтому, приступая к освещению работы административно-правовой секции Московского совета, мы постараемся довести до сведения товарищей, работающих в таких же секциях в других городах Советского Союза, а также и соприкасающихся с работой этих секций судебных работников, как о наших достижениях, так и недостатках с тем, чтобы вызвать обмен опытом и сообща наметить лучшие методы работы. тоды работы.

Административно-правовая секция Моссовета по возрасту—весьма молодая секция (организована в апреле 1925 г.), она появилась на сцену общественной работы года на три—на четыре позже других секций Моссовета. Запоздалая по сравнению с другими секциями организация этой секции, помимо общих причин, объясняется отчасти некоторым неверием в то, что секции вряд ли найдется чем заниматься при таких органах, как суд, прокуратура и милиция, поскольку последние не строят фабрик, больниц, школ и т. п. Поэтому и первые шаги работы этой секции были до некоторой степени робкими, нащупывающими почву в своей работе.

Первый состав секции включал в себя 176 чел., из коих членов Моссовета было 87 чел., а остальные вовлеченные; в числе последних 11 рабочих от производства, 42 делегатов, 17 членов ВЛКСМ и 19 чел. от профсоюзов.

По партсоставу насчитывалось: 110 чел. членов и кандидатов ВКП и остальные беспартийные. Среди всего состава секции было 79 чел. женщин.

Первые организационные формы вылились в разделение секции на семь подсекций с таким расчетом, чтобы при каждом из обслуживаемых секцией органов была бы подсекция (при суде, прокуратуре, милиции, уголовном следователях, мест заключения), и в этом числе одна подсекция советского законодательства и юридической помощи населению, но уже к концу 25 года опыт показал, что множественность подсекций вносит распыление сил и ненужное обособление тесно связанных в работе органов, в результате чего секция реорганизовалась в три подсекции: судебную, административную и прокурорскую. Впоследствии (в 1926 г.) последние две были объединены в одну административно-прокурорскую подсекцию. Работа первого состава секции со дня ее организации и по день истечения полномочий (март 1926 г.) проходила первое время в поисках методов работы и, разумеется,

организационно не имела первое время той плановости в работе, к которой она подошла в 1926 г. Поэтому работа нового состава секции сразу встала на плановую работу, будучи к тому же количественно увеличена. Если первый состав секции насчитывал 176 чел., то во второй состав вошло 414 чел. Из них 167 вовлеченных. В числе вовлеченных—женщины-делегаток 45 чел., комсомольцев 36 чел., красноармейцев 30 чел., вузовцев 26 чел. и 30 чел. из числа актива прошлого состава секции. Весь же состав секции по своему социальному и партийному составу представляет следующую картину: рабочих 170 чел. (40%), служащих 148 чел., учащихся 40 чел., военных 42 чел., домохозяек 12 чел.; членов и кандидатов партии 177 чел. (около 43%), комсомольцев 84 чел. и остальные беспартийные. Простое сравнение этих цифр, принимая во внимание абсолютно добровольное вовлечение не только вовлеченных, но и членов и кандидатов Моссовета при их распределении по секциям, говорит за возросший интерес среди трудящихся к работе секции, а тем самым и к работе судебных и административных органов.

Из числа актива секции за весь период было выдвинуто на судебную работу 10 человек и на другую работу 6 человек. Кроме того, как будущие кандидаты на выдвижение 20 чел. посещают 8-мес. юридические курсы при губсуде. Из числа актива выделено 20 товарищей для работы в центральном бюро жалоб НКРКИ, где выделенные товарищи принимают участие в проверке поступающих жалоб на бюрократизм и волокиту и участвуют в качестве заседателей при рассмотрении этого рода дел.

При секции имеется кружок рабкоров, освещающий работу секции и недостатки аппарата как в стенгазетах, так и в других газетах и журналах.

Руководящая головка секции (бюро) состоит из 11 человек и 5 чел. кандидатов, из этих 16 чел. лишь 4 чел. являются представителями обслуживаемых секцией учреждений, а остальные, главным образом, рабочие от станка. Руководящим ядром в целом всей секции является ее бюро, а в подсекциях бюро последних. Бюро создается в среднем от трех до четырех раз в месяц. За период с апреля п/г. по февраль тек. года (включительно) на бюро было рассмотрено 102 вопроса, из коих организационных более 50%, остальные отчетного и следовательского характера. За последнее полугодие бюро перешло к плановому заслушиванию отчетов районных админ.-прав. секций, что позволяет более основательно знать и направлять работу последних. Свою работу секция проводит по определенному плану и уже на основе общего плана секции, подсекции по своим календарным планам проводят работу путем распределения секционеров по отдельным отраслям работы (суд, прокуратура, судисполнители, милиция).

В каждой группе товарищей, ведущей свою работу при том или ином из поименованных органов, имеется групповод, который распределяет работу между членами

группы и принимает участие в заседаниях бюро подсекции. Такая организационная структура позволяет наиболее широко вовлекать массы в работу, руководящему ядру (бюро) быть в курсе повседневной работы групп, а групповодам, в свою очередь, быть в курсе всех намечаемых мероприятий бюро подсекции.

Над всей этой организационной структурой, разумеется, стоит пленум секции в целом и пленумы ее двух подсекций в отдельности. Пленум секции собирается в среднем один раз в месяц. Пленум секции за период с апреля 1927 г. по февраль тек. года подверг обсуждению отчетные доклады: о работе Мосгубсуда, губпрокуратуры и административного отдела Моссовета, кроме того, о кампании по перевыборам паразаседателей и ряд других организационных и иных вопросов, — всего же было рассмотрено более двадцати вопросов.

Посещаемость пленума не превышает 55% в среднем, что, однако, нельзя признать за плохую посещаемость, если мы учтем, что из общей массы секции мы имеем некоторый процент пассива, который особенно заметен среди вовлеченных в секцию вузовцев (до 50%). Относительно невысокий процент посещаемости пленума получается и по другой причине, главным образом летом, когда все военные и вузовцы убывают, кто в лагерь, кто на каникулы; нельзя не учитывать и отпускную кампанию. В среднем пассив секции доходит до 20%, среди же ответственных работников (их 64 чел.) процент пассивности доходит до 50-ти.

В основном работа секции направляется по четырем направлениям: плановое обследование определенных видов работы поименованных учреждений, эпизодические проверки отдельных моментов работы по специальным заданиям, участие в общественной работе по пропаганде права и разовые выяснения и проверки по отдельным поступающим в секцию жалобам и заявлениям. В число последней категории работы секции, работы, которую нельзя расписать по плану, входит большая работа по проверке поступающих в секцию разного рода заявлений-жалоб, начиная от жалобы на незаконные действия или волокиту в том или ином учреждении и кончая обращением за советом о том, куда жаловаться на неправильное сокращение, увольнение, как получить жилища и т. п. Этих отдельных живых обследований по жалобам граждан производится в среднем 70—80 в месяц.

Самая, конечно, основная работа, которая позволяет секционерам более глубоко знакомиться с структурой и недостатками судебного и административного аппарата, это плановые обследования работы аппарата. Таких обследований на протяжении с апреля 1927 года по февраль 1928 г. было произведено более пятидесяти, из них на долю суда (губсуд и нарсуды) падает 8 обследований, милиции и уголпрозыска, Аомгик и Мур 8, прокуратуры 4, остальное падает на юрконсультации, дома заключения и т. д.

На наиболее важнейших из обследований мы считаем необходимым остановиться. Был произведен ряд обследований разного рода консультаций, состоящих при газетах, профсоюзных организациях и др. учреждениях. Обследование установило на ряду с положительными сторонами работы и ряд весьма существенных недостатков.

Эти недостатки сводятся к тому, что между консультациями, почти как правило, нет необходимой увязки в работе, каждая консультация живет и работает замыкаясь в рамки, намеченные тем союзом или редакцией газеты, при которой консультация состоит. В результате нет взаимной увязки и обмена опытом в работе. Обследование

консультаций привело к необходимости обследования работы Московской коллегии защитников с тем, чтобы можно было выяснить, в какой мере работа последней носит общественно-полезный характер. При обследовании этом был обнаружен ряд весьма существенных недостатков. Несмотря на то, что коллегия насчитывает в своем составе более тысячи человек, президиум коллегии не имел определенной плановости в работе и руководстве такой большой организацией, как Московская коллегия защитников. В результате этого из руководящей группы президиума коллегии толком никто не знал, за что он конкретно отвечает, что должен делать и т. п. Президиум коллегии вместо деловой и направляющей работы большеинство своих заседаний посвящал мелким, а не принципиальным вопросам, по каждому мелкому вопросу велись часами дебаты, которые более всего напоминали маленький парламент или школу для изучения ораторского искусства. Штаты президиума коллегии были раздуты, президиум коллегии в своей структуре аппарата копировал советские большие учреждения, и вместо работающих в порядке общественной нагрузки консультационных комиссий из ЧКЗ создал отделы, как и полагается, с завами во главе. Средства, которые затрачивались коллегией защитников на оказание бесплатной юридической помощи трудящемуся населению, настолько несоответственно распределялись, что в городе в одно время консультирующие ЧКЗ в консультациях на чаю и бутербродах проедали столько же, сколько затрачивалось на всю консультационную работу в деревне всей Московской губ. Учет доходности членов коллегии защитников базировался, главным образом, на показаниях (о доходах) самих ЧКЗ. Отсюда, понятно, и взимание членских и иных взносов производилось на глазок, ибо не было проведено достаточной ориентировочной проработки и учета доходности тех, кто зарабатывает тысячи, и тех, кто перебивается с хлеба на воду. Кроме отмеченных недостатков, обследование обнаружило растрату в сумме более трех тысяч рублей, которая постепенно проводилась бухгалтером-казначеем президиума под носом у последнего на протяжении трех лет. В результате этого обследования дело о растрате передано прокурору, предложено обратить особое внимание на работу в деревне, увеличив для этой работы отпуск средств, предложено дисциплинировать платежи членских взносов, поскольку от состояния материальной базы президиума зависит общественная работа по оказанию бесплатной юридической помощи трудящимся, как в городе, так и в деревне. Для постоянного наблюдения за работой коллегии защитников судебная подсекция выделила постоянных представителей, которые участвуют в заседаниях президиума коллегии (конечно, с совещательным голосом).

Далее было обследовано уголовно-судебное отделение Мосгубсуда, где, наряду с достижениями в смысле уменьшения сроков прохождения дел и другими достижениями, установлен и ряд недостатков; например, вызываемые в судебное заседание свидетели, эксперты и даже представители обвинения не всегда своевременно являются, судьи, в свою очередь, по части дисциплины не безупречны, поэтому наблюдаются случаи запаздываний с открытием судебных заседаний, ожидание часами явившихся в суд аккуратных свидетелей и вполне справедливое порекание последних на нашу неизжитую бесцельную растрату своего и чужого времени.

Обследование отметило отсутствие в угол.-судебном отделении единой линии в карательной политике по половым преступлениям, в результате чего один состав суда подходил к половым преступлениям по одному, другой—

по другому, по делам же о детоубийстве, наоборот, установилось слишком большое единообразие, сводившееся к почти трафаретному условному осуждению обвиняемых (70% условных приговоров за 1927 год).

Поскольку вопрос о детоубийстве в процессе обследования уг.-суд. отделения особенно заинтересовал женщин-секционеров, принимавших участие в обследовании, мы считаем необходимым привести те весьма интересные данные, которые были добыты кропотливыми исследователями. Прежде всего, в общей сумме дел об убийстве, проходящих в губсуде, дела о детоубийстве составляют 28%, при чем имеют тенденцию к росту как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении. Если в 1926 г. мы имели всего 49 обвинительных приговоров, что составляет 21% к общему количеству дел об убийствах, то в 1927 г. имеем уже 66 обвинительных приговоров, или 28% к общему количеству убийств. При этом характерно, что 68% всех детоубийств падает на деревню и исключительно на долю женщины.

Основной процент (65,4) детоубийц имеют возраст от 18 до 25 лет, свыше 25 до 35 лет 18 с лишним процентов и остальное падает на долю более старших возрастов. Более 90% детоубийц имели детей в результате неоформленных брачных отношений. Умственное и общественное развитие обвиняемых видно из следующих данных, из числа осужденных в 1927 г. неграмотных было 81,3%, малограмотных 16% и грамотных около трех процентов. Материальное положение обвиняемых: имевших собственный заработок 18%, а остальные находившиеся на иждивении родителей и др. родственников. Мотивами, толкнувшими на детоубийство, являются: стыд 26%, страх перед родными 17,4%, нужда 17,5% и, наконец, отказ отца в помощи на содержание ребенка 41,4%. Поэтому в своих предложениях по обследованию секцией было предложено не только более индивидуализировать подход в отношении каждого, вернее, каждой обвиняемой в смысле применения мер социальной защиты, но и, главным образом, обращать внимание на тщательнейшее выяснение действительных причин, толкнувших на детоубийство, с тем, чтобы выявлять основных виновников убийства, предпочитающих создавать причины, а иногда и прямо вдохновлять на детоубийство, физическое же выполнение убийства, моральную и уголовную ответственность за него перекладывающих на обманутые неразвитые жертвы.

И, наконец, последнее обследование, произведенное секцией (судебной подсекцией) сообща с административно-правовыми секциями райсоветов. Это обследование дел о повышении цен и нарушении правил торговли. Обследованию подверглось более двухсот дел по нарсудам г. Москвы. Обследование выявило интересные факты: во-первых, в числе нарушителей цен, как по линии частной, так и государственной и кооперативной торговли, фигурируют почти исключительно торгующие с естественными и питейными продуктами и не фигурируют торговцы мануфактурой, обувью и т. п.; во-вторых, бросается в глаза почти полное отсутствие крупных торговцев среди привлеченных и осужденных частных, а фигурирует преимущественно мелкота. Этим же обследованием было установлено, что и органы борьбы с повышением цен стоят далеко не всегда на высоте, нередко были случаи, когда дознание длилось долго, в суде, глядишь, тоже залежалось, а потом, когда начинали приводить в исполнение взыскание наложенного приговором или постановлением штрафа, тоже не проявляли большой поспешности, и были случаи, когда взыскание штрафа длилось несколько месяцев, дотянулось до амнистии в честь десятилетия

Октябрьской революции, а потом, разумеется, пошло на-смарку.

Теперь остановимся на недостатках секционной работы. Одним из существенных недостатков надо признать все еще недостаточную связь секции с соответствующими секциями райсоветов в смысле увязки исследовательской работы по обследованию судебных и административных органов, в результате чего наблюдаются случаи повторения одной и той же работы со стороны центральной и районных секций и подсекций, в итоге аппарат иногда излишне переобследует. Кроме того, выводы из обследований не всегда согласовываются и в достаточной степени не обобщаются. Существует опасность увлечения бумажным обследованием без глубокого проникновения в существо основной работы аппарата и изучения плохих его сторон, а отсюда, как следствие, опасность превращения общественно-массовой организации в придаток аппарата учреждения. Нет морально-общественной ответственности каждого секционера, прикрепленного к тому или иному учреждению, за состояние работы в последнем, а отсюда неизбежное разделение на актив и пассив, поскольку даже в такой широко-общественной организации, как секция, будет жить взгляд на то, что я, де, сделаю, поручите мне, вместо того, чтобы самому подыскать себе работу, а не надеяться на то, когда групповод или бюро о нем вспомнит и даст ему то или иное поручение. Конечно, инициатива в подыскании себе работы ни в малейшей степени не исключает работы по плану сообща, а не кустарно, как не исключает и обязанности групповода и бюро вовлекать каждого секционера в работу. Четвертым недостатком является далеко не похвальная пассивность ответственных работников, которая доходит до пятидесяти процентов. Далее, нет надлежащего контроля за выполнением тем или иным учреждением постановлений Моссовета, райсоветов и их секций. Правда, хотя данные проверки выполнения предложений секции и показали приличный процент выполнения (86,8%), все же нельзя упускать из виду того обстоятельства, что эти данные суммарного порядка, без учета времени и сроков выполнения, а это весьма существенный дефект, который придется восполнить как принимающим предложения (указывать реальные, конечно, сроки выполнения), так и выполняющим таковые. Не везде достаточна связь между базами по пропаганде права и активом секций.

Нельзя особенно похвалиться достижением по части периодической отчетности членов секции перед избирателями и делегировавшими их организациями.

Наконец, последний существенный недостаток в работе и центральной и районных секций—это неизжитое еще увлечение количеством за счет качества при создании разного рода групп и их прикреплении. В одном месте районный пом. прокурора на глазок определяет, что нужно создать группу общественных обвинителей в несколько десятков человек, секция выделяет, а потом оказалось, что прокурор не сумел их всех обработать и заинтересовать в этой общественной работе, и группа распалась. В другом случае прикрепляют к тому или иному учреждению столько, что для них работы не оказывается, и поневоле образуется большой пассив.

Перечислив основные достижения и недостатки в работе секции перейдем к наметке тех путей и методов, которые с нашей точки зрения позволяют улучшить секционную работу.

Мы считаем, что вопрос о методах дальнейшей работы в части обследования аппарата должен быть пересмотрен

под углом зрения лучше меньше да лучше. Работа секции должна строиться с учетом реальной возможности осуществления намечаемого по плану с тем, чтобы в погоне за стопроцентным выполнением плана не комкать работу кое-как. Обследование должно преследовать не только встряску обследуемого учреждения, а, главным образом, глубокое изучение важнейших объектов работы аппарата и состояния последнего, изучать существенные его (аппарата) недостатки и сообщать с руководителем и экономкомиссией учреждения, изыскивать способы к изжитию обнаруженных дефектов в работе и самом аппарате. Наряду с этим контроль за проведением в жизнь предложений секции, вытекавших в результате обследования или иным порядком, должен быть строго плановым, а не в порядке боевых заданий, чтобы обследуемое, вернее обследованное, учреждение не засыпало до очередного обследования, а чувствовало бы неослабное за собой наблюдение.

Самый центр тяжести секционной работы, по-нашему, следует перенести в группы, которые надо по-настоящему расшевелить, дать в группы сильных руководителей, пересмотреть (на предмет перераспределения сил), насколько отдельные группы и даже подсекции, насыщены достаточно общественно-развитыми товарищами. Выдвигая это предложение, мы исходим из того, что работа пленума секции и даже пленумов подсекций не может широко охватить всей работы по причине их (пленумов) громоздкости. Конечно, мы не собираемся предлагать упразднить созыв пленума, мы предлагаем лишь сведение этих созывов к меньшему количеству и постановку на рассмотрение последних лишь принципиальных вопросов, вытекающих из работы подсекций и отдельных групп, а не для заслушивания плановых отчетов того или иного учреждения, от докладов которых далеко не так много пользы, поскольку эти доклады преимущественно делаются без предварительного глубокого обследования отчитывающегося учреждения со стороны секции.

По этим соображениям мы и предлагаем отчеты учреждений на пленуме секций свести к минимуму, ибо нужно признать, что за период десятилетия массы выросли, они хотят не только слушать и критиковать, но и делать.

Для проведения в жизнь лозунга об отчете делегатов перед своими избирателями мы предлагаем, в виде опыта, начать ставить отчеты о работе секций на собраниях рабочих и крестьян, где делегат данного предприятия или учреждения сумел бы выступить в прениях и поделиться мнением о работе того или иного учреждения.

Наконец, последняя важнейшая задача секций, это искоренение волокиты и бюрократизма в аппарате суда, прокуратуры и милиции. Здесь, быть может, как нигде можно достигнуть наиболее заметных эффектов при условии, если наши секции сумеют связаться в своей повседневной работе с аппаратом так, что последний будет чувствовать над собой повседневный контроль общественного ока.

В своей повседневной работе надо больше прибегать к живому выяснению секционерами на месте случаев волокиты, бюрократизма и прочих безобразий нашего административного и судебного аппарата, изживая ведомственную волокиту с истребованием «срочных» объяснений. Мы знаем из практики работы секции, что посланный на место член секции выявлял в течение часа или нескольких часов то, что бумажным путем пришлось бы выявлять недели и месяцы, а будучи выяснено не всегда гарантировало бы правильность, ибо нередки случаи, когда объяснения составляются так, как это выгодно объясняющемуся совчиновнику.

Только живой и повседневный общественный контроль над работой аппарата и отдельных его представителей в состоянии заставить аппарат работать так, как этого требует Партия и Сов. власть.

Член бюро судебной подсекции админ.-прав.
секции Моссовета С. Болтинов.

Деятельность административно-правовой секции Иваново - Вознесенского горсовета.

С апреля 1927 года работает у нас секция административно-правовая. Охрана порядка, борьба с преступностью, судебное дело, исправительно-трудовое дело—эти вопросы прорабатывает секция. Она, главным образом, тесно соприкасается с народным судом, следователями, прокуратурой, судисполнителями, милицией, уголовным розыском и местами заключения. В составе секции 66 человек, из них депутатов горсовета 28 и 38 прикрепленных с фабрик и заводов. Рабочих от станка 50, служащих—13, домохозяек—2 и кустарь 1. Женщин всего—19; членов партии—30. Среди членов секции—два пом. губпрокурора и нач. губадмтдела. Секция регулярно устраивала общие собрания, каковых всего состоялось 17. Кроме того, заседаний бюро было 19. При секции три комиссии—судебно-правовая, по охране порядка и борьбе с преступностью и по изучению жизни и быта милиции.

Все время в своей работе секция руководствовалась положением о горсоветах, затем—особым крайне лаконичным положением о секциях, изданным президиумом горсовета, и общими директивами президиума и пленума горсовета.

Подробного, охватывающего положения о секции, предусматривающего все вопросы деятельности секции, до сих пор на местах нет, в нем, конечно, секции, и в особенности административно-правовая, с ее специфической работой, ощущают потребность. Например, наша секция совсем не касалась сферы деятельности избирательной комиссии, слабо работала в области проведения революционной законности, не занималась вопросами пропаганды права, юридической консультации населению, не касалась народных заседателей. Между тем все эти вопросы, как боевые и насущные, в условиях нашей городской действительности, требовали особого к ним внимания в смысле обследования на предмет улучшения и т. п.

В характере работы административно-правовых секций имеется разнородность, как это видно из следующего. Например, Нижегородская секция занимается военными вопросами и по линии ОСОАвиахима.

Расшифровка компетенций административно-правовых секций в будущем необходима.

Чем же занималась наша секция за время ее существования, какую работу выполнила, на что обратила внимание и какие решения вынесла?

Прежде всего секция заслушала целый ряд докладов о работе тех учреждений, с которыми она должна была работать. Выслушала она доклад о работе милиции и в результате подчеркнула необходимость усиления борьбы с пьянством, мелкими кражами, хулиганством, проституцией. Вторым был доклад о деятельности нотариальной конторы. При обсуждении его секция заинтересовалась

особенно характером работы нотариусов, и в резолюции отметила как необходимость постановки докладов о работе нотариуса на рабочих собраниях, так и обязала каждого члена разъяснить на местах функции нотариальной канторы.

С живым интересом прошли доклады о работе судебных отделений губсуда. Здесь поочередно были заслушаны доклады о работе уголовного и гражданского отделов. С этих докладов началось введение секции в курс судебной работы. Множество вопросов получили докладчики, напр., что такое арбитражная комиссия, как проводится в суде жилищная полигика, подробности разбора алиментных дел, за что назначается высылка, принимаются ли меры против судей, вынесших неправильный приговор, и т. п.

Доклад совета о борьбе с проституцией ввел членов секции в курс политики Советской власти в этом вопросе. Ознакомясь с работой совета, секция подчеркнула недостаточное участие со стороны общественных организаций и указала, что совету по борьбе с проституцией быть при уголовном розыске не место и признала необходимым организацию его при горздравчасти.

В результате доклада о деятельности помпрокурора по городскому участку пленум секции отметил необходимость: устранения преступности среди милиции; участия секции в ревизионных комиссиях хозорганизаций; широкой пропаганды среди рабочих вреда пьянства, увеличивающего преступления против личности; усиления пропаганды права.

Следующий доклад органа загс особенно вызвал на живые прения членов секции—женщин. Они здесь интересовались процессом разводов, взыскания алиментов и т. п. Специальный доклад о борьбе с преступностью вызвал экскурсию членов в уголовный розыск и принятие мер энергичной борьбы с детской преступностью, с карманниками и т. п. Здесь секция признала необходимым поднять вопрос об устройстве облав на воров, приезжающих на базары для совершения краж.

С применением карательной политики в жизни заключенных секция познакомилась при обследовании на месте губисправдома и работы комитета помощи заключенных. После доклада комитета секция послала в него своих представителей.

Особенно вплотную секция подошла к деятельности народного суда. Она дважды обследовала нарсуд. Первый раз внимание было уделено условиям, в которых протекает работа нарсуда (плохое помещение, антисанитарное состояние его и пр.). Второй же раз обследование было произведено самой работы нарсуда и притом наиболее подробно.

Обследованием выявлен целый ряд моментов, заслуживающих внимания, вокруг которых развернулись горячие прения на пленуме секции. Обследователи подметили отсутствие правовой пропаганды среди населения со стороны работников суда (сделан был один доклад в губземуправлении). Никакой общественной работы в смысле приближения судебного аппарата к населению суд. работники не ведут; дела в суде разбираются пачками; процент откладывания дел равняется в среднем 35. Плохо налажено вручение повесток гражданам через почту. Быстрота продвижения дел выражается в среднем—гражданских до 2 месяцев и уголовных—до 3 месяцев. Обследовательская комиссия брала на выдержку несколько дел и обнаружила, что из 11 просмотренных уголовных дел отложено 5 и из 12 гражданских—5. Алиментные дела рассматриваются вне очереди.

Выявлена неудовлетворительность системы приема судьями устных заявлений от граждан. Продолжительность производства дел у следователей выражается в среднем в 1½ мес. Следственные действия часто срываются из-за ненадежности вручения повесток через почту. Юридическая консультация обслуживает в среднем в день 20 чел.; обращаются в нее в большинстве случаев по делам гражданского свойства. Качество работы юридической консультации признано неудовлетворительным, о задачах ее население мало знает.

Самым больным местом в работе суда признаны судебные исполнители. Работа их хромает по всем швам. Не особенно давно (весной п. г.) компания б. суд. исполнителей произвела растрату около 8.000 руб.,—все-таки этот горький факт мало подействовал на кого следует. Комиссия выявила у судисполнителей 841 исполн. лист, лежащих без всякого движения. Около 400 листов требуют выезда на места, а они лежали. Учет дел у суд. исполнителей не налажен. Целый ряд дел обнаружен вне всяких записей. Секция признала, что за работой судисполнителей недостаточно наблюдение.

Уполномоченный нарсуда признал, что судисполнители—болезненное место в работе нарсуда. Он принял меры к изжитию недостатков.

Пленум секции вынес следующие решения: усилить работу по приближению суд. аппарата к населению путем поднятия на должную высоту пропаганды права; устранить разбор дел пачками, наладить вручение повесток; усилить надзор за работой судисполнителей, в срочном порядке привести в порядок дела у них, ввести точную систему учета; поставить перед профсоюзными организациями вопрос об оказании юридической помощи членам профсоюзов через юрисконсультов профорганов; для создания лучших условий работы возбудить вопрос о ремонте и устройстве помещения нарсуда, о покупке инвентаря и т. п.

На очереди повторное обследование нарсуда. Обследованию подверглась и городская милиция, и в результате обследования секция установила дежурство членов секции при отделениях милиции. Помимо этой работы секция обсуждала проекты обязательных постановлений, установила твердую сеть мест торговли спиртными напитками, рассмотрела 18 ходатайств разных организаций об открытии торговли спиртными напитками.

Теперь секция предстала на смотр. Она указала смотровой комиссии на недочеты в своей работе.

Среди последних наиболее характерными являются следующие: ненадежность работы комиссий, незначительность обсуждения вопросов практического порядка, слишком малое количество вопросов по линии судебной, сухость докладов, отсутствие информации о результатах претворения в жизнь решений секции, недостаточное вовлечение в работу с секцией судебных работников.

Но есть, конечно, немало и достижений в работе, а именно: члены секции вовлечены в работу по управлению городом и теперь знают о характере деятельности учреждений административных и судебных.

На первом отчетном собрании избирателей секция ставит доклад на тему «Что сделала секция в борьбе с пьянством и преступностью в городе».

Секретарь административно-правовой
секции С. Крылов.

г. Иваново-Вознесенск.

Недостатки рассмотрения трудовых дел.

В № 17 «Е. С. Ю.» за 1927 г. тов. Жемчужникова в ст. «Недостатки существующей системы конфликтного разбирательства и меры к их устранению» приводит случаи (стр. 501) параллельных решений наркомтрудовых инстанций, с одной стороны, и судебных органов, с другой, когда во время хождения дела по наркомтрудовским инстанциям выносится трудсессию решение, противоположное решению РКК. Однако, как показывает практика по трудовым делам, и при одинаковости в конечном результате конфликтного и судебного производства сторонам не в меньшей степени приходится страдать от волокиты. Здесь ближайшей причиной задержки в окончательном решении дела, как результат указываемой тов. Жемчужниковой недостаточно четкой разработки организационно-правовых моментов, является нарушение ст. 170 КЗоТ третсудами, из-за чего решения их отменяются НКТ СССР в порядке надзора. Затем, хотя предоставленная НКТ сторонам передача дела на разрешение трудсессии и приводит к изменению решений конфликтных органов в смысле отказа в иске, тем не менее и после этого возникает спор, т. к. его невозможно считать вполне разрешенным по следующим соображениям. В практике бывают случаи выдачи исполнительных листов, выдаваемых во исполнение решения третсуда трудсессией, с последующим затем взысканием с ответчика в принудительном порядке через судисполнителя присужденной суммы. Так как далее ответчик, в силу вышеуказанной отмены решения третсуда и последовавшей затем отмены кассинстанцией определения трудсессии о выдаче по решению третсуда исполнительного листа, приобретает право на обратное получение взысканного с него, отказ ему в этом праве сводится к аннулированию практического значения всего производства. Практическая несообразность подобного отказа становится еще рельефнее при отказе в самом иске трудсессией, которая сводит на нет все значение своего отказа в иске. Но почему, естественно, спросить, получается такая несуразность, какие же мотивы выдвигаются в таких случаях? Со ссылками на разъяснение Пленума Верховного суда от 12/V—24 г.¹⁾ трудсесией указывается на неправильность обратного взыскания присужденных сумм, в частном, а не в исковом порядке, т. е. путем поворота исполненного решения. Однако, при этом упускается из виду, что если решение отменено, поворот исполнения может иметь место, так как нецелесообразно возбуждать отдельные иски к каждому истцу. Далее, как разъяснение Пленума 12/V—24 г., так и основанное на нем позднейшее разъяснение Пленума 5/VII—26 г. (пр. № 11) имеют в виду упрощение порядка восстановления прежнего положения, т. е. до исполненного решения²⁾, так что, поскольку взысканные суммы могут быть вообще истребованы обратно, обращение к исковому порядку на взыскания, вместо частного, было бы крайне несообразным, каковая мысль и легла в основу обоих разъяснений. Еще менее основателен другой мотив трудсессии о якобы добровольном характере выплаты в силу постановления примкамеры и третсуда, несмотря на выдачу исполнительного листа и производства затем взыскания по этому листу через судисполнителя. Как гласит разъяснение от 5/VII—26 г., 399 и следующие статьи ГК неприменимы

вообще к трудделам в смысле обратного взыскания добровольно выплаченных напимателем сумм. Что же касается выплаченных недобровольно, то из того же разъяснения вытекает, что они могут быть предметом обратного взыскания, когда оказывается, что самое основание, по которому суммы были выплачены, являлось неправильным.

Голубев.

Пересмотр решений РКК и соглашений примирительных камер по желанию сторон.

Одним из неясных вопросов трудового права является вопрос о возможности пересмотра решений РКК и соглашений примирительных камер, принятых по обоюдному согласию сторон, если этого пожелают последние.

В своей статье «Может ли РКК и примирительная камера вновь пересмотреть свое решение» (журнал «Вопросы труда» № 11—27 г.) Л. Туманов считает, что «а) решение РКК или примирительной камеры, принятое соглашением сторон, может быть вновь пересмотрено ими не только по требованию органа НКТ в порядке надзора, но и по обоюдному согласию сторон» (курсив Л. Туманова).

В частности, Л. Туманов обосновывает свой вывод тем, что, «по общему положению, каждое соглашение, заключенное даже на срок, может быть с обоюдного согласия сторон пересмотрено, и вопрос может быть разрешен совершенно иначе, чем был разрешен впервые. Вот почему было бы неправильно отрицать за сторонами право пересматривать свои решения».

В отношении РКК Л. Туманов видит опасность в возможных «злоупотреблениях и постороннего давления на членов РКК».

Этот вопрос не правового (а, скорее, бытового) порядка, а потому мы на нем останавливаться не будем.

Сама редакция журнала «Вопросы Труда» по цитируемой статье Л. Туманова считает, что «соглашения РКК нельзя приравнять к обычному договору...».

Редакция полагает также, что «... рабочая часть РКК принимает те или иные решения от имени третьих лиц — отдельных работников», согласие каковых и требуется при новом пересмотре решения РКК, что фактически часто невозможно проделать, если, например, необходимо «собрать согласие многих десятков или сотен работников, которых касается прежнее решение».

В ст. 173 КЗоТ³⁾ мы имеем упоминание о том, что «... соглашения примирительных камер» должны иметь «... силу договора».

Решения РКК по конфликтным делам по действующему положению о них также принимаются «исключительно соглашением сторон» (ст. 11 положения о РКК).

Отсюда создается впечатление об идентичности соглашений примирительных органов с соглашениями общего порядка, а потому стороны в праве изменять, дополнять и т. п. принятые соглашения по обоюдному на то согласию.

Нам кажется, что отождествлять решения РКК и соглашения примирительных камер, хотя бы и имеющих «силу договора», с соглашениями (договорами) общего порядка безусловно недопустимо, а потому и недопустимо делать и последующие выводы о возможности пересмотра решений и т. п.

¹⁾ «Суд. Практ.» № 13—14 за 1927 г., стр. 15.

²⁾ Эта мысль прямо подчеркивается в разъяснении Пленума, отменяющего определение РКК от 20/I—26 г. — «Суд. Практ.» № 13—13—25 г.

Обычные соглашения (договоры) устанавливают те или иные правоотношения сторон. При нарушении сторонами своих обязанностей, соответствующая из договаривающихся сторон, как известно, обращается за защитой своих материальных или правовых интересов в соответствующие органы, призванные разрешать эти споры (суды, арбитражные комиссии и т. д.); решения последних, вошедшие в законную силу, имеют значение правотворящих актов, законов по конкретному случаю.

Соглашения примирительных камер, решения РКК по своей юридической природе также имеют значение правотворящих актов, законов по конкретному случаю.

По решениям РКК и судебных органов выдаются исполнительные листы, в каковых именем Советской Республики предписывается соответствующим «властям» провести их в жизнь.

Следовательно, в отношении правотворческого значения решения РКК сомнения быть не может. В отношении соглашений примирительных камер циркуляр НКТ РСФСР и НКЮ РСФСР от 14/IX—25 г., № НКТ—257/1503—«о выдаче исполнительных листов по решениям РКК и третейских судов по трудовым делам» (и соответствующие циркуляры других союзных советских республик) не распространяется; за неисполнение соглашений примирительных камер (имеющих «силу договора») установлено преследование в уголовном порядке (ст. 11 положения о примирительных камерах и третейских судах).

Этим как будто бы колеблется положение о правотворческом значении соглашений примирительных камер.

В действительности же мы считаем, что здесь имеется только простое упущение и не больше.

Ведь если стать на иную точку зрения, то непонятно будет, почему решения РКК, каковые по конфликтным вопросам принимаются также соглашением сторон (и по существу являются такими договорами, как и соглашения примирительных камер), должны иметь правотворческое значение, а соглашения примкамер нет.

Наше мнение подтверждается политикой Тарифно-Конфликтного Отдела НКТ (журнал «Вопросы Труда» № 11—27 г., стр. 154):

«... поскольку решения РКК, являющиеся результатом соглашения сторон, могут приводиться в исполнение в принудительном порядке, постольку является вполне последовательным распространить этот порядок и на решения, принимаемые примкамерами...».

Этим устанавливается полная идентичность решений РКК и соглашений примкамер.

Л. Туманов, устанавливая тождественность решений РКК и соглашений примкамер с договорами общего порядка, впадает, как указано и редакцией «Вопросы Труда», в грубую ошибку.

Обычные договоры, как указывалось, устанавливают в соответствии с нормами закона или общим духом законодательства определенные правоотношения двух сторон.

Правотворческого значения (мы оставляем в стороне вопрос о коллективных договорах) в них, конечно, не найти.

Решения же судебных и приравненных к ним органов, разрешая в результате конфликтов по данным договорам, определяют возмещение (материальное или правовое) потерпевшей стороне.

Решения РКК и соглашения примирительных камер имеют безусловно аналогичное значение. Только порядок вынесения данных решений и соглашений (не в порядке большинства, а соглашением сторон, в виду специфичности организации и назначения данных органов,

иной, чем судебных органов, а юридическая значимость всех их одинакова, что подтверждается отчасти принудительностью (о соглашениях примкамер см. выше) исполнения их.

Следовательно, юридической разницы между решениями судебных (и приравненных к ним органов) и решениями РКК и соглашениями примирительных камер нет абсолютно никакой.

Если постановка вопроса о возможности пересмотра, хотя бы судебными органами, вынесенных ими решений должна быть признана, по крайней мере, наивной, то при одинаковой юридической значимости решений судебных органов и решений РКК и соглашений примирительных камер чем может быть обоснован пересмотр решений РКК и соглашений примкамер?

Слишком мягко, по-нашему, пишет редакция журнала «Вопросы Труда» по цитированной статье Л. Туманова: «...частный пересмотр решений приведет к неустойчивости трудовых отношений, что вряд ли желательно».

Если, наконец, обратиться к закону, то и здесь мы не находим возможности к пересмотру. В ст. 13 «положения о РКК» определенно говорится: «Решения РКК, принятые по соглашению сторон, окончательны...». Следовательно, сам закон говорит об окончательности решений РКК.

Только в примечании к ст. 10 «положения о РКК» (и то не по конфликтным вопросам): «вопросы, разрешенные большинством голосов, могут быть союзным органом или заводоуправлением в течение 24 часов поставлены на вторичное рассмотрение РКК и разрешаются уже по соглашению сторон, а не голосованием».

Мы считаем, что уже приведенных доводов достаточно, чтобы признать невозможность пересмотра решений РКК и соглашений примирительных камер, принятых в особых случаях соглашением сторон, по желанию последних.

К. Лейн.

г. Ташкент.

Допустимо ли обжалование ответчиком решений по трудовым делам.

(В порядке дискуссии).

В № 7 газеты «Правда» от 8 января напечатана (в порядке практического предложения) статья тов. Ларина «Средство против волокиты». В этой статье тов. Ларин указывал на два случая из ряда вон выходящей волокиты по трудовым делам, вызванной тем, что администрация несколько раз обжаловала решения судов, постановлявших решения в пользу трудящихся, и тем самым вызвала исключительную, длящуюся годами, волокиту.

В качестве средства против этого зла тов. Ларин предлагает принять постановление, по которому надо воспрепятствовать обжалованию приговора суда во всех случаях, когда суд первой инстанции вынес решение в пользу рабочего и служащего. Приговор суда в пользу рабочего должен быть окончательным, его нельзя обжаловать ни по формальным поводам, ни по существу. Рабочий и служащий сохраняют право обжаловать приговоры, если суд отклонит их иск к администрации.

В доказательство необходимости и целесообразности своего предложения тов. Ларин указывает, что решения

судов первой инстанции обычно отменяются кассационным судом лишь по формальным причинам, но не из-за несправедливости решения по существу, и, во-вторых, что даже если бы по небольшому проценту дол низшие суды все же перегнули палку в пользу удовлетворения исков рабочих, для государства в целом это выгоднее, чем расходовать большие средства на судебную волокиту. Средний размер рабочего иска новеллик и гораздо меньше тех расходов, какие несет государство на повторное рассмотрение одного и того же иска.

Вопрос, затронутый тов. Лариным, очень серьезен, так как если автор прав в том, что злонамеренное пользование администрацией наших госпредприятий правом обжалования решений по трудовым делам может поставить трудящегося в очень тяжелое положение, как экономически более слабую сторону, и на практике лишить их возможности пользования многими правами, предоставленными трудящимся КЗоТом, то, с другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что из гона в год растет предъявление рабочими и служащими к госпредприятиям дутых исков, явно рваческого характера, рассчитанных на то, что «авось пройдет», «попытка не пытка» и что «у казны шея толстая». На это указывает огромный, все возрастающий процент отказа в исках трудящимся в первой инстанции, а также и значительный процент отмены решений кассационной инстанцией по удовлетворенным трудовым искам не по формальным нарушениям, а вследствие явного противоречия решений фактическим обстоятельствам дела.

Эта практика судов является ярким показателем все прогрессирующей у истцов по трудовым делам психологии рвачества по отношению к госпредприятиям и в какой степени эта психология получит мощный толчок для своего дальнейшего развития, в случае безоговорочного принятия предложения т. Ларина и насколько это развитие является вредным и недопустимым всем понятно без особых пояснений.

Столь же спорным является и подсчет т. Ларина о сравнительной экономической выгоде для государства в целом перегибания палки в пользу истцов по трудовым делам и удовлетворения явно несправедливых исков перед теми расходами, которые несет государство при вторичном рассмотрении трудового иска.

Несомненно, что та радикальная мера, которую предлагает т. Ларин, явится лишь прыжком из огня да в полымя и кроме вреда ничего не принесет, т. к. во-первых, она даст мощный толчок для развития среди рабочих и служащих психологии рвачества по отношению к госпредприятиям, во-вторых, суды первой инстанции, зная, что решения в пользу трудящихся не обжалуются, а отказ в таковых исках подлежит обжалованию, будут склонны в запутанных и спорных делах, а таких дел очень много среди трудовых исков, оставив в стороне трудную и утомительную работу по выяснению всех обстоятельств дела, просто удовлетворять такие иски; в-третьих, в значительной степени лишит администрацию наших госпредприятий уверенности в возможности отбить в суде даже и неосновательную претензию, что и повлечет за собой на практике склонность администрации во избежание бесконечной волокиты огульно удовлетворять почти всякую претензию. Ведь право обжалования за рабочими и служащими признается без всяких ограничений и всяких других неприятностей (вспомним жесткую линию нашего законодательства, хотя бы в вопросе неправильного увольнения).

Очевидно, в затронутом т. Лариным вопросе нужно найти какую-то практически целесообразную среднюю

линию, каковой могло бы явиться хотя бы следующее: вменять в обязанность судам во всех случаях обжалования решений судов, удовлетворивших иски рабочих и служащих во второй или третий раз, сообщать об этом в бюро жалоб РКИ для соответствующего расследования.

Установить, как общее правило, что по вторично удовлетворенному иску трудящегося немедленно выдается исполнительный лист и по нему производится взыскание; присуждать в пользу истцов по удовлетворенным искам какие-либо % или пени в случае, если суд найдет, что затяжка в разборе дела произошла по вине ответчика-госпредприятия, и т. д.

Несомненно, что если затронутый вопрос будет обсуждаться в порядке дискуссии, то можно будет рассчитывать получить весьма полезные указания как по существу сделанных предложений, так и получить новые вполне пригодные предложения для надлежащего решения этого очень интересного и практически важного вопроса.

М. Петров.

г. Астрахань.

Новый закон о нотариальных функциях волостных исполнительных комитетов и сельских советов.

Нотариальные функции волостным исполнительным комитетам и сельским советам впервые были предоставлены постановлением ВЦИК и СНК от 15 июня 1925 года «о засвидетельствовании сделок, договоров и документов». Применение этого закона на практике наталкивалось на многие затруднения, благодаря некоторой казуистичности в определении прав ВИК'ов и сельсоветов по совершению ими тех или иных нотариальных действий. Причину такого построения закона, надо думать, следует искать в опасении законодателя дать викам и сельсоветам слишком широкие права в совершенно новом для них нотариальном деле, на ряду со стремлением приблизить нотариат к населению, дать последнему возможность на месте с наименьшей затратой времени нотариально оформлять документы, наиболее часто встречающиеся в сельском быту.

Постановлением ВЦИК и СНК от 23 июня 1927 г. по докладу НК РКИ СССР и РСФСР о пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления компетенция сельских советов в области совершения нотариальных действий была значительно расширена в сравнении с объемом прав, предоставленных им в этом отношении действовавшим законом от 15 июня 1925 года.

В соответствии с этим было издано новое постановление ВЦИК и СНК от 26 сентября 1927 года о нотариальных действиях волостных (районных) исполнительных комитетов и сельских советов, отменившее закон от 15 июня 1925 года. Новый закон по простоте построения и точности формулировки прав волысполкомов и сельсоветов выгодно отличается от ранее действовавшего. Права волысполкомов по совершению нотариальных действий теперь почти ничем не отличаются от нотариальных комитетов, но с той лишь разницей, что компетенция их ограничена районом. Права сельсоветов несколько уже, но точно очерчены.

Интересно отметить наиболее существенные черты нового закона, отличающие его от прежде действовавшего. Характерной особенностью прежнего закона была зависимость засвидетельствования того или иного документа

в вике или сельсовете от субъектов сделки. Ими могли свидетельствоваться не всякие сделки и не всех юридических лиц. Эти ограничения были введены для того, чтобы изъять из ведения виков наиболее сложные сделки, касающиеся городского имущества. В новом законе та же цель достигнута проще. Волисполкомы могут совершать почти все нотариальные действия, но лишь при условии, что одна из сторон проживает в районе данного волисполкома. Таким образом, волисполкомам придется иметь дело с нотариальным удостоверением только наиболее простых сделок и документов, так или иначе связанных с сельским бытом. Это станет еще ясней, если принять во внимание, что волисполком может совершать нотариальные действия только в том случае, если в месте его нахождения нет нотариальной конторы. Последнее же имеют во всяком крупном центре с развитым гражданским оборотом.

То же самое относится и к сельсоветам. Нотариальные их функции, расширенные правом удостоверять и некоторого рода сделки, также ограничены районом.

При таких условиях вопрос о праве волисполкома или сельсовета принять к нотариальному оформлению тот или иной документ разрешается очень просто.

Волисполкомы могут нотариально удостоверять все сделки без исключения, в том числе и доверенности, тогда как в законе от 15 июня 1925 года содержался особый перечень сделок, удостоверяемых волисполкомами. Кроме того, им предоставлено: 1) право совершения протестов векселей с местом платежа в районе волисполкома, 2) принятие денежных сумм, поступающих в платеж по этим векселям, 3) учинение исполнительных надписей как на протестованных векселях, так и на нотариально удостоверенных сделках и 4) передача заявлений лиц и учреждений другим лицам и учреждениям. По прежнему закону волисполкомы этих прав не имели. Затем идет право засвидетельствования подлинности подписей и Таким образом, нотариальные функции волисполкомов верности копий документов, как и по старому закону, по роду нотариальных действий почти сравнены с нотариальными конторами. В предметы ведения волисполкомов не вошли: совершение протестов варрантов, морских протестов, выдача залоговых свидетельств и некоторые другие нотариальные действия по документам, мало распространенным в сельском быту. К волисполкомам приравниваются в отношении прав по совершению нотариальных действий районные исполнительные комитеты и городские (поселковые) советы городов и поселков, не являющихся волостными или районными центрами.

Сельские советы имеют право свидетельствовать подлинность подписей, верность копий документов, удостоверять доверенности и личность получателей корреспонденции. Таким образом, в отношении совершения этих нотариальных действий права сельсоветов и волисполкомов одинаковы. Что же касается нотариального удостоверения сделок, то здесь права сельсоветов ограничены, во-первых, суммой сделки—она не должна превышать 300 рублей. Затем в законе имеется перечень сделок, удостоверяемых в сельсоветах: договоры купли-продажи, мены, дарения, имущественного найма на срок до одного года и поставки продуктов сельского хозяйства. Наконец, перечислены юридические лица, договоры которых могут нотариально удостоверяться. Из текста закона видно, что указанный перечень носит исчерпывающий характер, и сделки, не вошедшие в него, не должны удостоверяться в сельсоветах, как напр., договоры подряда, товариществ (полных и простых), имущественного найма на срок более года и проч. В перечень субъектов

сделки не вошли частные юридические лица, как, напр., товарищества, акционерные общества (с участием частного капитала), союзы кооперативов. Сделки с их участием не могут удостоверяться в сельсоветах.

Для договоров перевозки почты, заключаемых крестьянами-земледельцами с органами Народного Комиссариата Почт и Телеграфов, сделано исключение. Предельная сумма таких договоров для их удостоверения в сельсоветах повышена до 3.000 рублей.

Само собою разумеется, что права волисполкомов включают в себе права сельсоветов, и, следовательно, волисполкомы могут нотариально оформлять все те документы, которые удостоверяются сельсоветами.

Следует обратить особое внимание на целый ряд сделок, регистрируемых в порядке земельной регистрации. Очень часто не различают регистрацию от нотариального удостоверения, а при расширении нотариальных функций волисполкомов и сельсоветов и сосредоточении в них того и другого эти два действия, можно думать, еще больше будут смешиваться, между тем, как они в корне различны. Земельная регистрация производится по правилам Земельного Кодекса.

Цель ее—сбирать и хранить в систематическом и наглядном виде верные и современные сведения о правовом и хозяйственном положении всех землепользователей. В соответствии с этим и многие сделки по имуществу, связанному с землепользованием, подлежат обязательной регистрации. Формы для нее устанавливаются Народным Комиссариатом Земледелия, руководящим и направляющим работу по земельной регистрации.

Ни в законе ни в ведомственных распоряжениях нет точных указаний относительно возможности нотариального удостоверения сделок, подлежащих земельной регистрации. Но, во всяком случае, бесспорно, что нотариальное удостоверение таких сделок не может заменить регистрации. Такие сделки вступают в силу лишь после регистрации. Только для сделок по купле-продаже и залогоу строений, расположенных на землях трудового пользования, циркулярами НКЮ указана возможность и нотариального их оформления с последующей регистрацией в сельсовете.

Таким образом, волисполкомы и сельсоветы в отношении законного оформления различного рода сделок выполняют двоякого рода функции. Для одних сделок они являются регистрирующими органами, а для других—нотариальными, т.-е. выполняют те же функции, как и нотариальные конторы. В соответствии с этим правила постановления ВЦИК и СНК от 26 сентября 1927 года применяются лишь к сделкам, нотариально оформляемым. Для этих сделок установлены особые формы их удостоверения и записи в реестр, отличные от форм и книг земельной регистрации.

Сделки, регистрируемые в порядке земельной регистрации, перечислены в примечании к ст. 2 вышеуказанного постановления. Так, договоры трудовой аренды земли, продажа построек не на снос, раздельные записи трудовых земледельческих хозяйств регистрируются в подворной книге сельсовета. Особо следует остановиться на сделках купли-продажи и залога строений, расположенных на землях трудового пользования. Выше было отмечено, что сделки купли-продажи и залога строений могут, по желанию сторон, нотариально удостоверяться. Порядок нотариального удостоверения таких сделок в нотариальных конторах установлен циркуляром четырех ведомств (НКЮ, НКЗ, НКВД, НКФ) («Е. С. Ю.» 1925 г., № 17) и циркуляром НКЮ № 142—27 г. («Е. С. Ю.» № 34 1927 г.).

При наличии предоставленного волисполкомам права нотариального удостоверения всех сделок следует сделать вывод, что они могут нотариально удостоверить сделку продажи расположенного на земле трудового пользования строения (не на снос) по правилам постановления ВЦИК и СНК от 26 сентября 1927 г., а затем эта сделка должна быть зарегистрирована в сельсовете по правилам земельной регистрации, где уже сельсовет будет действовать, как орган, регистрирующий по линии Наркомзема. Так обстоит вопрос формально. Но надо полагать, что совершенно излишне прибегать к столь сложному порядку, так как вполне достаточно зарегистрировать такую сделку в подворной книге. То же самое следует сказать и о залоге внегородских строений. И в этом случае достаточно одной регистрации.

В законе от 26 сентября 1927 года так и указывается. В п. 7 статьи 1 в числе функций волисполкома значится регистрация сделок об отчуждении внегородских строений, расположенных в районе волости, а в п. 7 ст. 2 такие же функции предоставлены сельсоветам, если стоимость строений не превышает шестисот рублей и они расположены в районе сельсовета.

Однако, именно в этой части имеется несогласованность этого закона с постановлением ВЦИК и СНК по докладу НК РКК СССР и РСФСР о пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления («С. У.» 1927 г. № 79). По этому постановлению регистрация продажи построек с оставлением на месте, как общее правило, производится в сельсоветах, и лишь в особых случаях может быть оставлена в волисполкомах. Пункт 7 статей 1 и 2 закона от 26 сентября 1927 г. следовало бы исключить совсем, так как в этих статьях содержится перечень нотариальных функций волисполкомов и сельсоветов, регистрация же не является нотариальным действием. Надо ожидать, что в дальнейшем эта неточность будет исправлена.

Сказанное, разумеется, не относится к сделкам о продаже строений, расположенных в городах, поселках, дачных местностях. Эти сделки могут нотариально удостоверяться в волисполкомах по правилам Гражданского Кодекса, если одна из сторон проживает в районе данного волисполкома.

Вопрос о порядке нотариального удостоверения сделок отчуждения и залога права застройки как будто не должен вызывать никаких сомнений. Где бы участок ни находился, в сельской местности или в черте города, такие сделки совершаются по правилам Гражданского Кодекса. В частности, при отчуждении нужно требовать справку из соответствующей нотариальной конторы об отсутствии ареста на продаваемом праве застройки, а при залоге следует сообщить в соответствующую нотариальную контору о наложении ареста. Конечно, и в этом случае необходимо соблюдение требования ст. 4 пост. ВЦИК и СНК от 26 сентября 1927 года, чтобы одна из сторон проживала в районе волисполкома.

По новому закону так же, как и по ранее действовавшему, волисполкомы и сельсоветы никаких нотариальных действий не выполняют, если в месте их нахождения имеется нотариальная контора. В некоторых местностях, по особому списку, как, напр., в Сибирском, Дальне-Восточном краях, народные судьи выполняют нотариальные действия в полном объеме, всецело, таким образом, заменяя нотариальные конторы. В этих местностях также волисполкомы и сельсоветы никаких нотариальных действий совершать не могут. Но совсем иначе обстоит дело, если народный судья выполняет нотариальные действия в ограниченном объеме. В этих случаях, при нахождении

в одном месте камеры народного судьи и волисполкома или сельсовета, разграничение между ними нотариальных функций устанавливается статьей 3 положения о государственном нотариате следующим образом. Волисполкомы и сельсоветы выполняют те нотариальные функции, которые им предоставлены по закону. Народные же судьи должны совершать не все присваиваемые им по закону нотариальные действия, а только те, которые не могут совершать волисполкомы или сельсоветы. Так, например: на обязанности народного судьи будет лежать засвидетельствование документов, в которых участвуют лица, не имеющие постоянного пребывания в районе данного волисполкома или сельсовета, так как последние по закону не имеют права свидетельствовать такие документы. Точно также совершение морских протестов должен производить народный судья.

Из компетенции волисполкомов и сельсоветов исключено изъятие оформление документов, направляемых за границу. Волисполкомы и сельсоветы не могут принимать к нотариальному оформлению какие бы то ни было документы, предназначенные к отправке за границу даже в том случае, если в поселении не имеется ни нотариальной конторы, ни народного судьи. Правило это установлено инструкцией к закону от 26 сентября 1927 года в виду того, что легализация свидетельствуемых волисполкомами и сельсоветами документов в Народном Комиссариате Иностранных Дел была бы затруднительна из-за необходимости иметь образцы подписей большого количества должностных лиц волисполкомов и сельсоветов.

Инструктирование и руководство работой волисполкомов и сельсоветов по совершению ими нотариальных действий должно осуществляться местными нотариальными конторами по указанию губернского или окружного суда. Инструктирование может производиться путем указаний, даваемых при обследовании нотариальной работы волисполкомов и сельсоветов на месте, а также на совещаниях секретарей волисполкомов и сельсоветов, председателей советов.

За выполнение нотариальных действий волисполкомы и сельсоветы взимают сборы по особой таксе. Эти сборы поступают в доход волостного бюджета. Такса устанавливается Народными Комиссариатами Юстиции и Финансов РСФСР. Выработанная такса очень проста. (Опубликована в «Еж. Сов. Юст.» № 47 1927 г.). За нотариальное удостоверение сделок и надписей на них взимается $\frac{1}{10}\%$ с суммы сделки, но не меньше 1 рубля. За исполнительные надписи на документах—50 коп. и, кроме того, $\frac{1}{10}\%$ суммы, подлежащей взысканию. За протест векселя—один рубль и, сверх того, $\frac{1}{10}\%$ суммы векселя, при чем та же плата взимается по принятому к протесту векселю, хотя бы он и был выкуплен или отозван векселедержателем без протеста. По остальным документам взимается простой сбор, так за нотариальное удостоверение доверенностей—1 рубль, за засвидетельствование подлинности подписей—10 коп., за засвидетельствование копий сделок и выписок из торговых книг по 25 коп., за каждую страницу в 35 строк, а других документов (неимущественного характера) по 15 коп. за страницу.

Волисполкомам и сельсоветам предоставлено право освобождать от сборов неимущих лиц.

Следующие документы удостоверяются бесплатно во всех случаях: доверенности на получение зарплаты, содержания и пособий по социальному обеспечению и страхованию, а также доверенности на получение телеграмм, повесток и вообще всякой корреспонденции. Точно также

бесплатно производится засвидетельствование подписей и удостоверений личности получателей корреспонденции.

Следует иметь в виду, что к сборам, взимаемым за нотариальные действия, надбавка в доход местных средств не должна взыскиваться, так как такая надбавка взыскивается лишь к государственным налогам и сборам (ст. 95 положения о местных финансах), нотариальные же сборы, как выше было сказано, поступают в местные средства советов.

Вот в кратких чертах все, что заслуживает быть отмеченным в новом законе о нотариальных действиях волостных исполнительных комитетов и сельских советов.

М. Прирадов.

К ликвидации дисциплинарных судов.

Резолюцией XV съезда ВКП (б) по докладу о работе ЦКК—РКИ предложено было «в целях устранения каких-либо привилегий работников государственного аппарата, упразднить дисциплинарный суд, установив подсудность работников государственного аппарата общегосударственному суду» (п. 13 резолюции).

В осуществление этой директивы Народный Комиссариат Юстиции разработал и внес в Совет Народных Комиссаров проект постановления об изменении действующего законодательства. Эти изменения касаются как специальных законов, регулирующих вопрос о дисциплинарной ответственности, так и Уголовного и Уголовно-Процессуального Кодексов и Положения о судостроительстве и в основном сводятся к тому, что дела о должностных проступках и упущениях, которые по действующему законодательству направлялись в дисциплинарные суды, передаются в общие судебные учреждения.

По проекту подлежат отмене положение о дисциплинарных судах 14 июня 1926 года (С. У. 1926 г. № 36, ст. 391), связанное с ним положение об отделении Главного Дисциплинарного Суда в Казахской АССР (С. У. 1925 г. № 8, ст. 58), а также и те статьи положения о судостроительстве (185—200 и др.), которые касаются организации и деятельности дисциплинарных коллегий Верховного и губернского судов и определяют особый порядок дисциплинарной ответственности работников юстиции.

С отпадением тех особенностей, в виде специальной подсудности, которые названными законами вносились в порядок ответственности должностных лиц, за совершаемые ими служебные упущения и проступки устанавливаются общие для всех должностных лиц, независимо от их служебного положения: 1) уголовная ответственность за преступления, предусмотренные главой III Уголовного Кодекса и 2) дисциплинарная ответственность по положению о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности (С. У. 1927 г. № 72, ст. 485), за проступки и упущения, не подпадающие под действие Уголовного Кодекса¹⁾. При этом вопрос о дисциплинарной ответственности, как он определяется действующим законодательством, по проекту решается иначе не только в отношении самого порядка наложения взысканий, но и в отношении размежевания подвергающихся преследованию служебных действий по названным выше категориям: категория действий, преследуемых в уголовном порядке, значительно расширяется за счет сокращения категории дисциплинарной.

¹⁾ Исключения составляют лишь должностные лица, указанные в ст. 10 Пол. о дисц. отв. в порядке подчиненности, т.е. отбывающие обязательную службу во время состояния в рядах РККА, работники милиции, мест заключения и ОГПУ, дисциплинарная ответственность которых определяется особыми узаконениями.

Это новое размежевание отражается в той части разбираемого проекта, которая содержит в себе изменения Уголовного Кодекса.

Согласно 2 части действующей редакции ст. 112 УК, дисциплинарную ответственность влекут за собой все те случаи злоупотребления, превышения и бездействия власти и халатного отношения к служебным обязанностям, когда эти действия совершаются не систематически, без корыстной или иной личной заинтересованности и не влекут или не могут, заведомо для совершивших их, влечь особо-тяжких последствий. При отсутствии хотя бы одного из этих признаков совершенно исключается возможность уголовного преследования, даже если действие имело последствием явное нарушение правильной работы учреждения или материальный ущерб учреждению или нарушение общественного порядка или охраняемых законом прав и интересов отдельных граждан²⁾.

Иначе построена 2 часть проектируемой ст. 112 с относящимся к ней примечанием. Как правило, ею предусматриваемые действия (те же, что и по 2 части действующей статьи) влекут за собой уголовную ответственность и исключение из этого правила делается лишь в отношении тех проступков и упущений, которые, как говорит проектируемое примечание, «по степени серьезности не требуют применения мер социальной защиты». Определение того, к какой категории должно быть отнесено то или иное конкретное действие, предоставляется, согласно изменений редакции ст. 1 положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности, лицам, имеющим право наложения дисциплинарного взыскания, а также органам судебно-следственным, прокурорскому надзору и Рабоче-Крестьянской Инспекции, т.е. тем же кто по положению о дисциплинарных судах имел право, направления дел в эти последние.

Санкция 2 части ст. 112 воспроизводит в себе, в качестве мер социальной защиты, наиболее серьезные меры взыскания, из применявшихся по ст. 11 положения о дисциплинарных судах, т.е. увольнение от должности, лишение на срок до 2 лет права занимать руководящие или ответственные должности, возложение обязанности загладить причиненный вред и вместо домашнего ареста принудительные работы на срок до 1 месяца. Примечание к ст. 11 положения о дисциплинарных судах, допускавшее соединение отдельных мер взыскания, также воспроизводится в Уголовном Кодексе.

Статьи 113, 120 и 121 УК, по которым также возможно применение дисциплинарного взыскания к лицам, совершившим предусматриваемые этими статьями действия, изменены в соответствии с изменением 2 ч. ст. 112 и в санкции получают отсылку к санкции этой последней.

Чрезвычайно важным является проектируемое изменение Уголовно-Процессуального Кодекса (ст. 347), согласно которому приговоры по делам о преступлениях, предусмотренных 2 ч. ст. 112, а также ст.ст. 113, 120, 121 (в тех случаях, когда меры социальной защиты применены по 2 ч. ст. 112) УК, являются окончательными. Обжалование их не допускается и отмена или изменение их возможны лишь в порядке надзора.

Наконец, значительные изменения проектом вносятся в вопрос о дисциплинарной ответственности членов коллегий защитников, на которых по действующему Поло-

²⁾ См. инструктивное письмо УКК Верховного Суда РСФСР от 29 июня 1925 г. за № 2 в сборн. циркуляров и важнейших разъяснений Пленума ВС.

жению о судеустройстве дисциплинарные взыскания за нарушение профессиональных обязанностей налагались президиумами коллегий, а постановления последних могли обжаловаться в дисциплинарные коллегии судов. Проект передает право наложения взысканий на членов коллегий защитников председателям губернских (окружных) судов, распространяя на эти случаи действие положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности, с двумя изменениями: по первому—вместо взыскания в виде перемещения на другую должность и увольнения от должности (п.п. «г» и «д» ст. 3 положения) устанавливается запрещение выступления на суде на срок до 6 месяцев и исключение из коллегии с запрещением вступления в нее в течение 2 лет, по второму—для применения взыскания в виде исключения из коллегии требуется утверждение президиума губернского (окружного) исполкома.

Так как предлагаемые проектом изменения в части, касающейся ответственности членов коллегий защитников, связаны с отступлением от ст. 17 Основ судепроизводства Союза ССР и союзных республик, по которой коллегиям предоставлены права дисциплинарного надзора за деятельностью членов коллегий, то Народный Комиссар Юстиции нашел необходимым возбуждение перед ЦИК Союза ССР ходатайства о соответствующем изменении ст. 17 названных Основ.

А. Иодковский.

Резерв судебных работников и опыт выдвижения.

Сложилось убеждение, что замещать вакансии членов губернских (окружных) судов можно только работниками ранее работавшими в них, отсюда заявки в НКЮ на эту категорию работников, переброски, резервы и т. д. По нашему, взгляд—совершенно неверный. У нас для работы в губернских (окружных) судах есть громадные резервы на местах, еще нами очень мало тронутые—это народные судьи, рабочие от станка и крестьяне от сохи. В первые месяцы работы Сибирского краевого суда мы также держались того взгляда, что нужно заполнять состав окрсудов из работников губсуда, однако, вскоре от этого взгляда отказались и думаем совершенно правильно. Из полученных за два года 11 старых губсудовских работников к настоящему времени у нас на работе осталось только 7, т. е. убыло 36,4%. Количество убывших несомненно велико. Это обстоятельство заставило нас искать другие источники пополнения состава окрсудов, тем более что потребность в них была очень большая (открыто вместо 6 губсудов 18 окрсудов) и мы сделали ставку в первую очередь на наших старых судебных работников из народных судей. За эти два года в состав окрсудов введено 20 народных судей и ставка была верна. Из всех их снято по несоответствию за все два года только 2 человека, при чем один за пьянство, т. е. 10%. Количество, конечно, сравнительно ничтожное. В то же время мы наблюдали значительные успехи в работе выдвинутых на окрработу нарсудей. В самом деле, из оставшихся в составе окрсуда Сибкрая 18 бывших нарсудей (введенных в окрсуды в 1926 и 27 годах) уже к настоящему времени занимают должности председателей окружных судов 3 человека, зам. пред. окрсудов 3. Из числа выдвинутых судей бывших рабочих 10, крестьян 6, служащих 5.

Таким образом, первый наш резерв в окр. (губсуды) это народные судьи, главным образом, из рабочих и крестьян—резерв несомненно большой.

Второй еще больший резерв—это рабочие из производства. Подходили и держась мы также ошибочного взгляда, что трудно им одолеть без предварительной подготовки нашу судейскую работу, однако, проведенный опыт показал, что это неверно. Достаточно общественно подготовленный рабочий, имеющий необходимые технические (грамотность) знания, быстро овладевает судейской техникой. Можно привести два примера, как через полгода рабочие-выдвиженцы этой категории уже стали не только докладывать дела в кассистанции, но и рассматривать их в 1 инстанции окрсудов. Переборы личного состава с этого года окрсудов должны по предварительным подсчетам дать в окрсуды таких выдвиженцев до 8 человек. Опыты прошлого года дают основание полагать, что и здесь мы не ошиблись. Характерно отметить, что за все 2 года снято Сибкрайсудом по несоответствию лишь один выдвиженец, тогда как из кадровых работников снято за это же время 9 человек.

Еще более удачным оказался опыт привлечения на судебную работу несудебных работников из местных руководящих органов. Достаточная общественная подготовка, большое политическое чутье определяют быстрые успехи усваивания судейских законов и техники, а затем и полной гарантии надлежащего классового подхода при разрешении дел. Таких работников нами было привлечено 5 и все они сохранились в аппарате окрсудов.

Мы попрежнему держимся того взгляда, что если можно привлекать в окрсуды выдвиженцев непосредственно из производства, из общественных организаций, то в нарсуды это делать сразу рискованно. Дело в том, что в окрсуде товарищ, незнакомый с нашим довольно сложными кодексами, может, работая в коллективе, сравнительно быстро с ним ознакомиться, тогда как в нарсуде надо не знакомиться, а сразу начинать работать, притом или одному, или итти на поводу у секретаря. Поэтому мы считаем, что прежде чем выдвиженца направить в нарсуд для работы, его надо пропустить через курсы. Крайисполком с нашим взглядом согласился и отпустил в этом году из местного бюджета двенадцать с половиной тысяч рублей стипендии на 32 человека по 40 руб. специально для выдвиженцев рабочих и крестьян для обучения их на краевых юридических курсах.

Интересное явление приходится наблюдать сейчас в окрсудах. Оказывается, что часть старых судебных губсудовских работников довольно таки основательно в смысле знаний отстала, работает, так сказать, на фундаменте своего старого багажа, что, наоборот, новые влитые в окрсуды силы являются толчком для поднятия квалификации судработников в целом. К сожалению, чванливое мнение «я губтрибовский работник—все знаю» не все еще из работников оставили.

Вывод из всего: аппарата наш судебный, в достаточной степени застывший, надо освежить; источники—лучший нарсудья, рабочий-выдвиженец, хороший работник общественных организаций; для окрсудов—рабочий, крестьянин через предварительный пропуск их через курсы—в нарсуд также и окрсуд.

Забывать, что говорили о судебном и прокурорском аппарате на 15 Съезде ВКП (б) нельзя, нужно смело делать соответствующие выводы. Практика показала, что их сделать можно—это одно, плюс скорейшая реформа суда—другое.

Председатель Сибирского краевого суда

М. Кожевников.

Судебная работа в краевых объединениях.

В настоящий момент постепенного развертывания областной системы управления судорганами приобретает особое значение вопрос о наиболее целесообразной структуре аппарата, возглавляющего судорганы районированной области, в особенности вопрос о правах этого центрального аппарата по отношению к периферийным судорганам области. Но наряду с этим не менее важное значение имеет вопрос о директивах, которые должны быть даны со стороны центрального аппарата РСФСР как ныне функционирующим областным судебным центрам, так и вновь организуемым. Опыт деятельности краевых судов старой формации (т.е. существовавших до введения нового Пол. о Судостроительстве) показал, что эта деятельность вызывает настоятельную необходимость в управлении периферийными областными судорганами. Поэтому признается чрезвычайно своевременным сравнительное изучение состояния работы судорганов в ныне существующих районированных областях, методов руководства со стороны областного и краевого центра и интенсивности этого руководства, чтобы на основании этого изучения выбрать и рекомендовать наилучшие методы руководства и указать максимальные достижения в работе на данный период времени.

Предметом настоящей статьи является исследование вопроса о состоянии судебной работы в районированных областях, начиная с судебных коллегий крайсудов и кончая народными судами.

Краевые суды.

Согласно 26-а ст. УПК ведению уголовных коллегий краевых судов подлежат дела: а) о преступлениях контрреволюционных, предусмотренных ст. 58²—58¹⁴ УК, б) о преступлениях предусмотренных 114 ст. УК (вынесение неправомерного приговора) и 2 ч. 115 ст. УК (принуждение к даче показаний путем насилия), в) о должностных преступлениях, г) судосудской подсудности, совершенных должностными лицами, занимающими руководящие должности в краевых административных и хозяйственных учреждениях, а равно членами президиумов окружных исполнительных комитетов, председателями и заместителями председателей окружных судов, окружными и участковыми прокурорами.

Кроме того, краевой суд имеет право по собственной инициативе или по предложению прокурора изъять любое дело из ведения окружного суда и принять его к своему рассмотрению.

Данные за 1 полугодие 27 г., полученные от крайсудов Сибирского, Дальне-Восточного и Уральского (С.-Кавказский сообщил сведения о движении дел за полугодие по крайсуду, когда последний выполнял судработу в качестве постоянной сессии, обслуживая 6 округов), свидетельствуют о незначительном поступлении дел в уголовные коллегии, а именно в угол. коллегии Сибкрайсуда поступило 57 дел, Д.-Восточного—43 и Уральского—68 дел.

Если предположить, что такое поступление имело место за три месяца или 19 в месяц—по Сибирскому, 12 по Д.-Восточному и 22—по Уральскому крайсудам, то и в таком случае нагрузка должна быть признана незначительной. Однако, большая часть дел из числа указанных поступила гораздо раньше 1 апреля в постоянные сессии

крайсудов, а затем передана была последними по подсудности в крайсуды, вследствие чего указанные цифры еще более уменьшаются.

Из этого количества окончено: в Сибирской коллегии—31 дело, Д.-Восточной—43 и Уральской—27 дел. Но по существу в судебных заседаниях рассмотрено незначительное количество: в Сибири—2 дела, на Д.-Востоке—9, а на Урале не рассмотрено ни одного дела.

В УКК Верховсуда имеются сведения лишь о работе угол. коллегии Дальне-Восточного крайсуда. Из 7-ми приговоров, поступивших в порядке обследования, УКК Верховсуда 5 приговоров оставила в силе, а 2 отменила (1 из-за недоследованности и 1 за отсутствием состава преступления).

Подсудность гражданских коллегий крайсудов в течение краткого срока существования этого института потерпела изменения. Первоначально, согласно ст. 23-а ГПК в редакции закона от 7 марта 27 г., гражд. коллегии крайсуда были подведомственны дела по искам к окружным исполкомам или горсоветам окружных городов, к отделам краевого исполкома, а также к учреждениям и предприятиям краевого значения и к краевым отделениям предприятий общереспубликанского или всесоюзного значения, без различия суммы. Права передавать дело, подсудное ГПК крайсуда, в какой-нибудь из окружных судов крайсуду предоставлено не было. В результате в крайсуды были направлены дела по искам на незначительные суммы и по характеру своему несложные. По инициативе крайсудов законом от 12 сентября («С. У.» № 100, ст. 666) редакция ст. 23-а ГПК была изменена в том смысле: 1) что коллегии подсудны лишь те дела, по искам к учреждениям и предприятиям краевого (областного) значения и к краевым (областным) отделениям предприятий общереспубликанского и всесоюзного значения, в которых цена иска превышает 2 тысячи руб., и 2) краевому суду предоставлено право передавать отдельные дела и целые категории дел на рассмотрение подлежащего окружного суда в зависимости от местонахождения сторон и других обстоятельств.

Поступление дел в гражд. коллегии крайсудов еще меньше, чем в уголовные, а именно, за 3 мес. в ГК Сибкрайсуда поступило 4 дела, ГК Уральского—11 и Д.-Восточного—9. Из этого количества окончено: в ГК Сибкрайсуда—одно дело, Уральского—11 и Д.-Восточного крайсуда—9 дел.

Если иметь в виду, что в течение 1-го полугодия действовала ст. 23-а старой редакции, т.е. фактически в производстве гражданской коллегии находились такие дела, которые, согласно новой редакции указанной статьи, крайсуду неподсудны, необходимо признать, что указанные цифровые данные при использовании их в качестве характеристики нагрузки означенной коллегии подлежат некоторому уменьшению.

Материалов по оценке работы гражд. колл. крайсудов в ГПК Верховсуда не имеется.

Окружные суды.

Если по количеству дел, в среднем ежемесячно поступающих в угол.-суд. отделения, разбить окрсуды на группы: 1-ю до 50 дел в месяц, 2-ю от 50 до 100 дел, 3-ю от 100 до 200 дел в месяц и 4-ю свыше 200 дел, то окажется, что поступление до 50 дел в месяц имеет место в 7 судах, или 25,7% всего количества окрсудов, от 50 до 100 дел в 5 судах, или 18,6%, от 100 до 200 дел—11 судах, или 40,8%, и 4-ю свыше 200 дел—

4 суда (Барнаульский, Н.-Сибирский, Челябинский и Кубанский), или 14,9%.

Таким образом, достаточную нагрузку (свыше 100 дел) имеют всего 16 окрсудов из 27, или 59,3% всего количества окрсудов.

Как справлялись с нагрузкой уг.-суд. отделения окрсудов?

Сравнение остатков дел, неоконченных производством, которые имелись к началу и концу отчетного периода, показало увеличение остатков только в четырех судах с незначительным поступлением. Размер увеличения—небольшой, объяснимый, по всей вероятности, поступлением дел в конце отчетного периода. Что касается самой величины остатков—неоконченных дел в УСО, то превышение остатков над средним месячным поступлением наблюдается в Сибирском крае в 5 округах. На Урале значительное превышение (от 1,6 до 2 раз) наблюдается в трех судах. В Дальне-Восточном крае нагрузка еще больше, ибо остаток, меньше среднего месячного поступления (в 6,5 раза), имеет место только в одном окрсуде. В остальных четырех судах остатки превышают среднее поступление от 1,3 до 2,7 раза; гораздо хуже обстоит дело в Кавказских окрсудах, ибо все они имеют остаток, превышающий среднее месячное поступление минимум в 1,2 раза (ерский) и максимум—в 3 раза (Ставропольский).

Таким образом, если считать нормальным положение дела, когда остаток равняется среднему месячному поступлению, необходимо признать, что угол.-суд. отделения в 18 окрсудах из 27, или 66%, должны быть признаны неблагополучными по накоплению делами, неоконченными производством.

Какова же быстрота прохождения дел в угол.-суд. отделениях?

Сравнение процента дел, оконченных угол.-суд. отделениями губсудов по РСФСР в 1926 г. в срок, превышающий 3 месяца (17,5), с соответствующими данными в различных окрсудах, показывает, что окрсудов, в которых наблюдаются большие сроки прохождения дел, в Сибири имеется четыре; из них наименьшая медленность наблюдается в Красноярском окрсуде, в котором в срок, превышающий 3 месяца, закончено—34,8%, и наибольшая медленность в Иркутском окрсуде, где уже в течение указанного срока рассмотрено 42,2%. На Урале—два окрсуда. Что же касается С.-Кавказа, то в крайсуде и окрсудах имели место большие проценты дел, не оконченных в сроки свыше 3-х месяцев (от 25,8% в Ставропольском до 63,4% в Донском окрсуде).

Таким образом, есть 13 окрсудов, в коих разрешается свыше 3-месячного срока значительно больший процент, чем средний по РСФСР, — 17,5%.

Для оценки работы уголовно-судебных отделений имеет значение % дел прекращенных и процент оправданных. Слишком большие проценты тех или других свидетельствуют о неудовлетворительности работы органов следствия или дознания. Слишком большой процент оправдательных приговоров свидетельствует, кроме того, о неудовлетворительно проведенной работе суда при разрешении вопроса о предании суду.

Средний процент прекращенных дел за 1926 г.—49,3%. Выше этого процента прекращенных имеют УСО 13 окрсудов, преимущественно из Дальне-Восточного (от 55,5% до 70,0%), и С.-Кавказского края (от 53,8% до 62,5%).

Средний процент оправданных по РСФСР за 1926 г. равняется 26,2%. Выше этого процента выносятся оправда-

тельные приговоры в Сибирском крае—в 8 округах (от 27,2% до 32,2%), на Урале в одном округе и на Д.-Востоке в одном округе.

Что касается С. Кавказа, то здесь пять окрсудов имеют слишком большие проценты оправдательных приговоров: от 27,8 (Грозненский) до 71,6% (Шахтинско-Донецкий). Если иметь в виду, что на С. Кавказе имеется и большой процент дел прекращенных, необходимо признать, что вследствие неудовлетворительной работы органов следствия или дознания судебная работа здесь в значительной степени проходит впустую.

Если сравнить средний процент по РСФСР отмены и прекращения УКС Верховсуда дел УСО, губ. и окрсудов за 1-е полугодие 1927 г., выражающиеся в цифре 14,4%, с соответствующими данными о работе угол.-суд. отделений окрсудов, то оказывается, что из 29 окружн. судов, о работе коих имеются материалы в УКС Верховсуда, в 21, или 72,4% всего числа окрсудов, процент отмены (и прекращения вместе) Верховсудом превышает указанные данные по РСФСР, из коих в Сибирском крае все 11 окрсудов, от коих имеются сведения в УКС, имеют проценты отмены выше среднего по РСФСР, при чем только в двух судах—Красноярском и Томском—% отмены ниже 20. В остальных окрсудах он превышает 20. Если производить оценку работы угол.-суд. отделений на основании процентов приговоров, оставленных в силе, то и здесь все 11 окрсудов Сибири имеют процент оставленных в силе приговоров ниже среднего по РСФСР (69,3%).

Несколько лучше, чем в Сибири, но все же плохо, обстоит дело в угол.-суд. отделениях С.-Кавказского края и Урала, так как из 6 окрсудов Урала—в 3-х и из 7 окрсудов С. Кавказа—в 4-х, по оценке УКС В. С. работа стоит ниже среднего по РСФСР.

Лучше других работают угол.-судебные отделения округов Дальне-Восточного края, так как только один окрсуд имеет процент отмены (23,5%) выше среднего по РСФСР. Однако, если исходить из процентов оставленных в силе, то деятельность еще двух окрсудов, имеющих процент оставления в силе ниже среднего по РСФСР, не может быть признана удовлетворительной, в особенности потому, что поводом для изменения приговоров послужила неправильная квалификация преступных действий по УК.

Таким образом, работа уголовно-судебных отделений окрсудов в количественном отношении не может быть признана вполне удовлетворительной ни в одной из районированных областей, ибо повсюду остатки дел, неоконченных производством, более или менее значительно превышают месячное опступление. То же самое следует сказать и о сроках движения дел, которые повсюду превышают средний процент по РСФСР. Что касается качества работы, то здесь следует отметить, что, как по результатам ее—в смысле слишком частого прекращения дел и вынесения оправдательных приговоров (в особенности на Дальнем Востоке и С. Кавказе), так и по числу отмененных и прекращенных дел УКС Верховсуда (в особенности в Сибкрае) работа уголовно-судебных отделений округов также стоит ниже среднего по РСФСР.

Нагрузка гражданских судебных отделений окрсудов повсюду незначительна.

Из всех окружных судов нагрузка ГСО только в одном Кубанском окрсуде превышает 40 дел в месяц (можно думать, что меньшая нагрузка будет в Донском окрсуде), в 7-ми окрсудах поступление выражается от 10 до 20 дел в месяц, а в остальных нагрузка меньше 10 дел в месяц.

Не справились с работой, увеличив остатки дел, неоконченных производством, только 4 окрсуда. В осталь-

ных наблюдается уменьшение остатков дел, неоконченных производством. Однако, все же необходимо констатировать, что остатки к концу 1-го полугодия значительно превышают среднее месячное поступление, при чем в Армавирском остаток превышает среднее месячное поступление в 8 раз, в Каменском—в 6,7 раза, в Иркутском, Владивостокском, Сретенском и Хабаровском—от 4 до 5 раз. В остальных окресах превышение выражается в меньших цифрах, но только в одном Омском окресе остаток равняется среднему месячному поступлению.

Что касается быстроты прохождения дел, то во всех Северо-Кавказских окресах (за исключением одного) движение дел происходит значительно медленнее РСФСР (разрешено в срок до 1 мес.—31,3%, свыше—27,8%), при чем в Армавирском—60,7%, а в Донском—69,1% окончанных дел разрешено в срок свыше 3-х месяцев. В Уральских окресах дело обстоит несколько лучше, ибо из 8 судов в трех дела движутся быстрее, чем в РСФСР. Еще быстрее движутся дела в Сибири, где из 10 окресудов в 5-ти оканчиваются в срок до одного месяца больше среднего по РСФСР.

Что касается Дальнего Востока, то соответствующих данных по каждому окресуду не имеется. В среднем же по краю до одного месяца разрешается 27,6% дел. Свыше 3-х мес.—41,3%.

Если сравнить средние данные по РСФСР за 1-е полуг. 1927 г. о результатах рассмотрения ГКС В. С. дел ГСО, губ., окресудов (оставлено в силе решений—62,7%, изменено—2,3%, отменено—35,0%), то из 6 окресудов Сибирского края, дела коих проходили через ГКС В. С., только в 2-х работа гражд. суд. отделений поставлена хуже, чем в среднем по РСФСР. В С.-Кавказских окресах из 6, о коих имеются сведения в ГКС В. С., в двух работа ГСО поставлена неудовлетворительно. Из Уральских 6 окресудов проценты отмены превышают средние данные по РСФСР также только в двух. Из 4-х Дальне-Восточных, дела коих были в ГКС В. С., только один имеет % отмены (50,0), превышающий среднюю по РСФСР.

Таким образом, неблагоприятная с количественной стороны работа губ. судебных отделений, по качеству своему в значительном большинстве округов (исключение составляют 7 из 22, или 31,8%) должна быть признана вполне удовлетворительной.

Если по количеству дел, в среднем ежемесячно поступающих в гражданские кассационные отделения, разбить окресуды на группы: 1-ю до 50 дел в месяц, 2-ю от 50 до 100 дел, 3-ю от 100 до 300 дел в месяц и 4-ю свыше 300 дел, то окажется, что поступление:

до 50 дел в мес. имеет место в	2 судах или	7,7% общ. кол.
от 50 до 100 д. » » » 7 » »	27,0% » »	
» 100 » 300 д. » » » 11 » »	42,3% » »	
свыше 300 д. » » » 6 » »	23,0% » »	

Итого: 26

100,0

При такой небольшой нагрузке отделений, с одной стороны, и проведенной повсюду системе назначения дел через нарсуды, залежей дел, не окончанных производством, в ГКО совсем почти не наблюдается.

Что же касается сроков рассмотрения, то в трех районированных областях (за исключением Дальнего Востока, из которого не поступало соответствующих данных) имеется 9 окресудов, в которых в срок до 1 мес. рассматривается незначительный процент (от 6,9% до 50,5%) дел.

Цифровых данных, характеризующих качество работы ГКО, не имеется, ибо цифры о результатах рассмотрения дел нарсудов, в смысле указания количества оставленных в силе, отмененных и измененных приговоров и ре-

шений, характеризуют работу нарсудов, а не отделений ГКО. Поэтому следует обратиться к свидетельству самих краевых судов, которые производили проверку деятельности ГКО окресудов. Такими в 1-м полугодии 27 г. являлись Сибирский и Дальне-Восточный крайсуды.

Сибкрайсуд установил следующие недочеты в работе гражд. касс. отделений: недостаточно внимательное ознакомление с материалами дела и содержанием кассационных жалоб и апелляционный уклон, выражающийся в том, что кассотделения входят в рассмотрение вопросов, относящихся к существу дела, недостаточная ясность и четкость указаний, даваемых ГКО нарсудам, и противоречия в определениях по ряду вопросов. Разработки встречающихся в практике спорных принципиальных вопросов, несмотря на большое их количество, почти совсем не производится. В результате по многим округам кассколлегии за отчетный период не было внесено в пленум окружного или краевого суда ни одного принципиального вопроса. Наконец, в отдельных округах происходят продолжительные задержки в отсылке разрешенных дел в нарсуды, объясняемые, главным образом, неравномерностью в назначении их.

Но наряду с этим Сибкрайсуд отмечает и достижения в работе ГКО окресудов, в особенности по сравнению с работой постоянных сессий в 1926 году. Таковым, прежде всего, является установление относительного единства кассационной практики. По многим вопросам (напр., по делам о семейно-имущественных разделах, алиментах, об убытках, вследствие причинения вреда, и др.) достигнуты сравнительная устойчивость и единообразие кассационной практики не только в пределах отдельных округов, но и по всему Сибирскому краю. Инструктивное значение кассопределений значительно повысилось. Число графических определений сильно уменьшилось. Изложение определений приобретает ясность и полноту, гораздо реже встречаются грубые ошибки при применении правовых норм; наконец, к числу достижений в работе некоторых ГКО надо отнести и значительное ускорение в прохождении дел через кассинстанции.

Что касается Дальне-Восточного крайсуда, то он также в работе одного окресуда отметил недостаточное изучение гражд. кассационных дел, что приводит иногда к оценке жалобы ничего не говорящей формулой—«жалоба относится к существу дела», в то время, как в действительности в кассжалобе указаны кассационные нарушения, а иногда к утверждению решений, несмотря на противоречие таковых обстоятельствам дела. При обследовании в начале года одной постоянной сессии (ныне окресуда) отмечено недостаточное изучение гражданских дел в порядке ревизионном, что лишало определения суда инструктирующего значения.

О качестве работы ГКО Уральского и С.-Кавказского судов аналогичных данных не имеется.

Изложенное свидетельствует о том, что в количественном отношении, если не считать слишком больших сроков рассмотрения дел в С.-Кавказских и отчасти Сибирских окресах, работа ГКО должна быть признана удовлетворительной. Что касается качества работы, то имеющиеся данные о работе окресудов Сибирского и Д.-Восточного краев свидетельствуют о том, что некоторые ГКО страдают серьезными недочетами. Однако, постановка самого вопроса об этих недочетах дает основание предполагать, что в ближайшее время можно рассчитывать на улучшение в данной отрасли судебной деятельности.

Если разбить окресуды по количеству среднего месячного поступления дел в уголовно-кассацион-

ные отделения на такие же группы, на которые разбиты были окресты в ГКО, мы получим такое соотношение:

поступлен.	до 50 д. в мес.	имело место в	5 суд.	или	19,2%
»	от 50 до 100 д.	»	»	»	19,2%
»	» 100 » 300 д.	»	»	13	50,0%
»	свыше 300 д.	»	»	3	11,6%

26

Таким образом, оказывается, что в угол.-кассац. отделения дел поступает гораздо меньше, чем в гражд.-касс. отделения, ибо в то время как судов с незначительным поступлением дел в ГКО (до 50 в месяц) было только 2, окрестов с таким же поступлением дел в УКО—5. Наоборот, количество судов, в которых поступление дел в ГКО было свыше 300 дел, равняется 6, в отношении же УКО таких судов имеется только три.

Точно так же, как и ГКО, накоплений дел, не оконченных производством, не имеется почти ни в одном суде.

В целом ряде судов в месячный срок рассматривается небольшая часть дел (4 на С.-Кавказе, 5 в Сибири, один на Урале).

Что касается качества работы УКО, то прежде всего ряд цифровых данных может свидетельствовать о недочетах работы УКО. Одним из наиболее серьезных недочетов в работе УКО принято считать формализм, выражающийся в отмене приговора по незначительным поводам, вследствие каковой дело затягивается без нужды на продолжительный период времени. Слишком большой процент отмены из-за нарушения форм судопроизводства может свидетельствовать о наличии такого формализма и обязывает наблюдающие органы проверить работу УКО. Обозревая работу УКО с указанной точки зрения, приходится констатировать наличие в 8 окрестках слишком большого процента отмены приговоров из-за нарушения судопроизводственных форм. В значительно большей степени свидетельствуют о не совсем правильной постановке работы УКО слишком большие проценты приговоров, отмененных за нарушением или неправильным применением закона. Нарушение форм судопроизводственных, если оно повлекло за собой неправильное вынесение приговора, должно иметь своим последствием отмену приговора. Неправильное же применение закона во многих случаях может быть исправлено во 2-й инстанции. Однако, в семи окрестках имеют место большие проценты отмены приговоров из-за нарушения закона или неправильного его применения. Эти проценты обязывают крайсуды обратить внимание окрестков на правильность подхода со стороны УКО к отмене приговоров.

Сибирский крайсуд отмечает в некоторых окрестках случаи формального подхода к рассмотрению дел, разноречивой кассационной практики, обусловленный текучестью состава УКО, неясность и нечеткость формулировок указаний УКО Томского окрестка, даваемых наресткам, оставление без разрешения принципиальных вопросов, возникающих по тому или иному делу, и неудовлетворительность изложения кассопределений.

Наряду с этими недочетами, Сибирский крайсуд отмечает и достоинства в работе УКО. Ошибки, встречающиеся при ревизиях постоянных сессий, произведенных в 1926 г., как показали вторичные ревизии, почти совершенно изжиты. Сравнительно участилась практика частных определений, в которых отмечаются технические ошибки нарестков и даются принципиальные указания. Все кассколлегии ведут строгий учет ошибок, допускаемых каждым нарестком в отдельности, результаты какового учета сосредоточиваются в ИРО. Наконец, в план работ

окрестков включаются доклады УКО на пленумах, где подводятся итоги кассационной практики.

Дальневосточный крайсуд при обследовании УКО некоторых окрестков отметил случаи формализма, заключающегося в предъявлении к наресткам слишком строгих требований в исполнении формальных требований закона, что привело к большой и часто ненужной отмене приговоров нарестков, а также отсутствие единой кассационной практики при разрешении аналогичных дел.

Таким образом, как и в работе ГКО, следует отметить, что в количественном отношении только в некоторых окрестках наблюдаются большие сроки прохождения дел в угол.-касс. отделениях окрестков. Что же касается качества, то наличие в значительной части из окрестков слишком высоких процентов отмен и прекращений за нарушением форм судопроизводственных и нарушением закона, и целый ряд недочетов в работе, отмеченных Сибирским и Дальневосточным крайсудами, свидетельствуют, что очень многие окрестки нуждаются в особом улучшении работы УКО. Об этом же свидетельствует общая неудовлетворительность работы угол.-суд. отделений, работники коих (в особенности в небольших окрестках) несомненно принимают значительное участие в деятельности УКО, а, следовательно, неудовлетворительная по своему качеству работа в УКО отличается таким же характером и в УКО. С другой стороны, констатирование крайсудами указанных недочетов дает возможность надеяться на качественное улучшение работы УКО.

Народные суды.

Данные о движении дел свидетельствуют о том, что нарестки С.-Кавказского края не только справились с нагрузкой, но и уменьшили накопление дел, не оконченных производством, на 18% (с 74.758 на 1-е янв. 26 г. до 64.807 дел на 1-е апреля 27 г.). Из остальных районированных областей в нарестках Сибирского края остаток неоконченных дел увеличился на 33% (с 60.674 до 81.147); на Дальнем Востоке увеличение выражается на 13% (21.257 и 24.373), а в нарестках Уральской области накопление неоконченных дел увеличилось на 18% (50.365 и 59.506).

Размере остатка дел, не оконченных производством, превышает среднее месячное поступление на Дальнем Востоке в 3,1 раза, в Сибирском крайсуде—в 2,3 раза, в нарестках С.-Кавказского края в 2,1 раза и в Уральской области—немного менее, чем в два раза.

Сроки движения дел в нарестках всех районированных областей продолжительнее соответствующих сроков по РСФСР.

В срок до 1 месяца рассмотрено уголовных дел от 38,2% (Д. Восток) до 44,8% (Сибирский край) против 51,4% по РСФСР, а гражданских дел в тот же срок рассмотрено от 40,7% (С. Кавказ) до 50,5% (Урал) против 50,4% по РСФСР.

Качество работы нарестков по оценке гражданских кассационных отделений можно видеть из следующих данных: если иметь в виду, что средний процент отмен и прекращения дел в ГКО по РСФСР за 1-е полугодие 1927 г. равняется 35,4%, то количество окружных судов, в коих проценты отмен и прекращения дел превышают это число, равняется 23 из 32, или 71,8%. Таких окрестков в С.-Кавказском крае имеется три из 8, или 37,5% общего количества, на Урале 6 из 8, или 75% общего количества, в Сибирском крае—10 из 11, или 90%, и на Дальнем Востоке 4 из 5, или 80%.

Работа нарсудов по уголовным делам лучше, чем по гражданским, ибо количество окрсудов с подведомственными им неблагополучными участками нарсудов (т.е. участками, в которых процент отмены и прекращения выше среднего по РСФСР—25,2%), равняется 18 из 32, или 56,6%. Всего меньше неблагополучных участков имеется на С. Кавказе (только в Терском округе). В Сибкрае количество округов, неблагополучных в отношении процента отмены приговоров, равняется 9 из 11, или 81,8%. На Урале число неблагополучных округов—5 из 8, или 62,5%. На Дальнем Востоке 4 из 5, или 80%.

Изложенное свидетельствует о том, что работа нарсудов во всех районированных областях в количественном отношении (и по накоплению дел, не оконченных производством, и по продолжительным срокам прохождения дел) должна быть признана ниже среднего по РСФСР. Качество работы также неудовлетворительно. По гражданским делам об этом свидетельствуют 71,8% всего числа окрсудов, а по уголовным делам—50,6% всего числа окрсудов.

Все вышеизложенное приводит к заключению, что судебная деятельность окружных и народных судов во всех краевых объединениях не может быть признана удовлетворительной ни в количественном, ни в качественном отношении. Удовлетворительная, по оценке ГРКК Верх-

суда, работа гражданских судебных отделений окрсудов не может изменить вывод об общей неуспешности работы, так как для того небольшого количества дел, которые рассматриваются ГСО окрсуда, требуется не больше одного работника. И наличие в окрсуде одного удовлетворительно справляющегося с судебной деятельностью работника не может изменить общей картины.

Перед краевыми и окружными судами лежит задача поднятия качества судебной работы. Одним из наиболее верных способов достижения этой цели является изучение кассационной практики, непосредственная увязка работы руководящего аппарата с кассационными инстанциями. Только опираясь на работу кассационных инстанций, можно идти к постепенному усовершенствованию судебной работы. Если в окружных судах такая связь с кассационной практикой вполне может быть налажена в виду нахождения ИРО и кассационных отделений в одном аппарате, то краевым судам, по причине их структурной и территориальной разобщенности от кассотделений Верховного суда, а равно и самому Верховному суду, необходимо принять меры к созданию более или менее непосредственной связи между собою. Только при наличии этих условий возможно совершенствование судебной работы окружных судов.

А. Елоховский.

Страница практика.

Возмездие в Уголовном Кодексе.

Один случай убийства по неосторожности мне пришлось рассматривать, как прокурору. Двое детей в отсутствие родителей стали играть охотничьим ружьем отца; и двенадцатилетний мальчуган застрелил свою восьмилетнюю сестренку, после чего сбежал из дома и был найден лишь через два дня в состоянии, близком к безумию. Отец, в полном сознании своей вины, явился к агенту ТОГПУ, который, не занимаясь, вероятно, вопросом, известно или неизвестно советскому праву понятие вины, все же произвел весьма обстоятельное дознание, исключавшее всякие возможности умысла. Трудностей с этим делом у прокурора не могло быть: ребенка в комонес, дело на основании 108 ст. или 109 ст. УПК—следователю. Однако, все эти действия показались мне верхом бюрократизма, и я стал искать возможностей прекратить дело.

В самом деле, практически это означало: 1) отец везет сына за 40 верст в комонес, и там находящемуся в безутешном детском горе мальчугану будут делать «внушение»; 2) отцу надо явиться к следователю; 3) отцу надо явиться в суд. Какой приговор может вынести суд? Неужели общественное порицание?

Просмотрите 20 ст. УК и самостоятельно убедитесь, что применение любой меры с/з в данном случае будет бессмыслицей и издевательством.

Но как прекратить дело?

Примечание к 6 ст. УК неприменимо (отсутствие малозначительности последствий). «Руководствоваться духом закона»—тоже нельзя, поскольку имеется 139 ст. УК.

Я прекратил дело на основании ст. 9 УК. Правильность этого прекращения с точки зрения закона защитить весьма трудно. Но подобную неприятную бессмыслицу, как в этом деле, я видел только, когда железные дороги требуют на основании 192 ст. УК привлечения к административной ответственности крестьянина, лошадь которого зашла в полосу отчуждения и была убита поездом. Точно так же и здесь не считаются с подрывом хозяйства, дающим полный эффект меры социальной защиты.

Мне кажется, что о случаях, подобных описанным, надо кричать. И особенно надо кричать потому, что при внесении в СНК проекта УК НКЮ имел в виду исключение 1 ч. 147 ст. УК редакции 1922 года и оставление лишь 2-й части, предусматривающей в качестве обязательного признака грубую (сознательную) неосторожность,—но это не прошло.

Нашим теоретикам надо заняться разработкой вопроса и проведением грани между случаями неосторожности, требующими применения мер социальной защиты и не требующими их применения. Статьи 139 и 145 должны быть уточнены и детализированы. Суду должно быть предоставлено право в этих делах не применять мер соц. защиты, а прокурору (по крайней мере, при причинении вреда дорожному существу) прекращать дела, не доводя их до суда.

Зам. окр. прокурора Леденов.

гор. Новгород.

Недоуменные вопросы по применению инструкции о разделах крестьянских дворов.

В деревне часты случаи, когда из двора «выганивают» невестку или не уживаются с примаком. Народному судье только эти дела и приходится разбирать, и здесь всегда слабой стороной является женщина, а иногда и примак. Проживет 2—3 года, и ему хозяйство по уходу выделяет лишь 10—15 рублей. Слабая сторона обычно под влиянием деревенской действительности соглашается получить и это, т. к. все равно больше с двора не получишь. Противная же сторона всякий раз такие выделы старается оформить документом, где обычно дополняется, что причитающаяся доля из двора получила сполна. До сего времени судом такая практика толковалась противоречащей 79 и 80 ст.ст. Зем. Код., и суд каждый раз, несмотря на эти «сделки», находил действительную долю имущества выделяющегося, путем разбора дела. Частая эта была безусловно, всегда больше, чем по сделке, заключенной добровольно. Изданная НКЮ инструкция («Е. С. Ю.» № 16—27 г.) от 30 марта с/года указала, что «... под распределением же имущества двора понимается выдел отделившимся их доли в общем имуществе двора, без образования ими самостоятельного земельного хозяйства, вследствие чего распределение имущества не подлежит регистрации в порядке ст.ст. 79 и 80 Зем. Код.». Выходит так, что сделки на суде должны быть признаны юридическим документом, а тем более если указано, что свою долю сторона получила сполна. При наличии такого документа суд должен отказать в приеме искового заявления. Правда, это упрощает аппарат земельных органов, но зато отдает без-

защитную женщину в распоряжении закорюзлого деревенского обычая. Следовало бы в новую редакцию ст. 78 Зем. Код. («Изв. ЦИК» № 250—27 г.) добавить и распределение имущества, т. е. при каждом разделе и распределении имущества делящиеся представляют в с/совет для регистрации раздельную запись, и дальше ст. изложить, как действующую в законе. Такой маленькой поправкой был бы обеспечен контроль с/совета в деле защиты прав слабой стороны.

Другое, совсем непонятное в инструкции, — это: «в тех случаях, когда совместная жизнь во дворе оказывается невозможной для лиц, не могущих вести сельское хозяйство по нетрудоспособности, престарелости, инвалидности и т. д., ни раздел двора, ни распределение имущества не производится, а таким нетрудоспособным лицам предоставляется лишь обособленное жилище и обеспечение за счет двора получение продуктов и денежных выдач в размере, необходимом для прожития». У нас в практике получился такой случай: приймак прожил в доме стариков 3 месяца, а потом совместная жизнь стала невозможной, и приймаку, на основании вышеуказанного закона, передано все имущество от стариков, конечно, оставлено им жилище да средства для пропитания. Такая практика может дать повод к злоупотреблению во взаимоотношении стариков с приймаками. В деревне часто бывает, лишь бы получить имущество, а там его можно продать, и никаких средств старикам на прокормление с такого хозяйства не получить, да они лишатся и последнего имущества. Надо бы жесткость закона изменить в сторону того, чтобы в таких случаях возможны были выделы раздела двора, и лишь в исключительных случаях суду зем. комиссии дать право на передачу двора приймакам. Бояться тут, что суд или земкомиссия не справятся, конечно, нет оснований, да и в каждом конкретном случае это даст возможность регулировать имущественные взаимоотношения сторон из расчета вложенного труда в хозяйство, а не одностороннего права получения «алиментов» стариками.

И, наконец, последний вопрос — право суда производить выдел несовершеннолетним членам двора вместо алиментов — не совсем понятен для нас, низовых работников. Непонятно, кому это подсудно: земкомиссии или суду? Суд по инструкции может производить лишь распределение имущества (ст. 32), поэтому очевидно такие дела подсудны земкомиссиям, но последние от принятия исков отказываются, направляет в суд. Далее, очень уж растяжимо понятие «... если с получением выдела для них обеспечена возможность существования детей». Нужно ли давать несовершеннолетним причитающуюся долю земли трудового пользования или нет? Как это сделать, если мать с таким ребенком уходит в другое земельное общество? В конце-концов, разве хватит доли на воспитание ребенка, когда она, в условиях Пермского округа даже в зажиточной семье равняется не более 500 руб., да еще в виде имущества, трудно реализовавшееся на рынке. Наше мнение — эту статью изменить совсем, оставить несовершеннолетним лишь право получения алиментов.

В заключение нам кажется совсем нецелесообразным при разделах дворов вызов всех членов двора в земкомиссию. В первую очередь нам надо от этого избавиться несовершеннолетних и не возражать, когда от той или иной группы явится старший, например: делятся 2 брата, очевидно, не к чему вызывать их детей и жен, да и мало пользы будет, если мы вызовем за 30—40 верст. Наше предположение: ст. инструкции средактировать — «вызову в суд по делам о разделах подлежат представители делящихся сторон, и лишь по постановлению земкомиссии или по ходатайству сторон могут вызываться все члены двора...» и дальше как в действующем законе.

Все эти сомнения надо авторитетно разъяснить.

Нарсудья П. Бурдин.

Гор. Оханск Уральской области.

Необходимо согласовать.

(О сроках для предъявления исков о разделе).

По разъяснению Пленума Верховного Суда от 16 марта 1925 г. («Е. С. Ю.» № 13—25 г.), лица, вступившие по браку или приймачеству в новый двор, не лишаются никаких имущественных прав в своем прежнем дворе, если при выходе из него они не получили часть имущества в виде приданого и т. п. Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам дает на места указания относительно срока на возбуждение такого иска о выделе. В своих разъяснениях на имя Калужской и Брянской губземкомиссий (см. §§ 69 и 71 «Сборника разъяснений циркуляров и инструкций по вопросам зем. права», изд. «Новая Деревня»), Особая Коллегия считает, что такое право сохраняется лишь в течение трехлетнего давностного срока, согласно ст. 44 и след. Гр. Код., и по истечении этого срока обязанный к уплате двор может быть освобожден от упомянутой ответственности на основании этого закона. Отсюда видно, что ОКВК своими разъяснениями устанавливает 3-годичный давностный срок, какой Земельному Кодексу неизвестен.

Пленум Верховного Суда от 20/VI—27 г. («Е. С. Ю.» № 31—27 г.) разъяснил, что срок давности для предъявления исков о разделе крестьянского двора независимо от того, предъявляется ли требование разделе земли и имущества, или одного имущества без земли, установлен в 2 севооборота или 6 лет.

В силу этого разъяснения лица, выбывшие из двора по браку или приймачеству и не получившие при этом причитающуюся часть имущества, сохраняют право на выдел своей доли в силу ст. 75 Зем. Код. и упомянутого разъяснения Верховного Суда в течение 6 лет.

Таким образом, во время раздела крестьянского двора и наличия таких лиц, которые предъявляют требования о выделе части имущества, земельные комиссии будут применять к ним трехгодичный давностный срок, а общие судебные учреждения шестилетний.

Изложенное свидетельствует об имеющихся противоречиях разъяснениях, которые будут затруднять разрешение вопроса на местах. Поэтому следовало бы Особой Коллегии пересмотреть свои разъяснения по затронутому вопросу и согласовать их с разъяснением Пленума Верховного Суда.

Ревизор-инструктор Брянский губземкомиссии
С. Фисунев.

Пределы применения ст. 254 ГПК.

Мы сейчас много уделяем внимания борьбе с волокитой, бюрократизмом и ищем пути к рационализации судебного-следственного аппарата, а между тем, ст. 254 ГПК стоит в противоречии с этими начинаниями и, по моему мнению, требует некоторого изменения. Несмотря на указания Верховного Суда о затребовании дел в порядке надзора и опротестовании их лишь в крайних случаях, право, предоставляемое ст. 254 ГПК, используется предгубсуда и прокурорами очень широко, но это еще полбеды, а беда в том, что указанная ст. не содержит в себе ограничений о количестве раз затребования дела. Передки случаи, когда решение суда, утвержденное губсудом, требуется с делом в порядке надзора предгубсуда, по жалобе кого-либо из сторон, жалоба оставляется без последствий и дело возвращается, потом по жалобе, снова требуется в порядке надзора помпрокурора, возвращается и через некоторое время снова требуется другим помпрокурора, который тоже дело возвращает, оставляя жалобу без последствий, или в редких случаях, дело затребованное в третий, четвертый раз, по какому-нибудь усмотренному нарушению протестуется. Создается бесконечная возможность гражданам жаловаться порой с единственной целью «оттянуть» исполнение решения, а противная сторона ходит и кланят судебные органы, своей работой создающие волокиту. Нельзя отрицать всю необходимость и полезность предоставляемого ст. 254 ГПК права предгубсуда и прокурора требовать дела в порядке надзора, но это жизненно и приемлемо, когда дело требуется не больше одного раза, когда же оно проверенное требуется по нескольку раз, с уже имеющимися в деле заключениями о правильности решения и оставлении жалоб без послед-

ствий, то надзор осуществляется не только над правильностью решения нарсуда, но и над заключением органа, имеющего те же функции надзора, чего безусловно быть не должно. В моем участке были дела, которые ходили в порядке надзора от одного лица к другому по несколько месяцев, чем затруднялось приведение в исполнение решений, от чего, конечно, страдала одна из сторон. Таким образом, ст. 254 ГПК требует изменений, которые, по моему, необходимы в следующем виде: чтобы дело могло быть затребовано от нарсуда в порядке надзора не больше одного раза и затребованное вторично в случае протеста, при наличии имеющегося заключения о правильности решения, вносилось не в пленум губсуда, а могло быть лишь опротестовано в Верховуд. Такое изменение не даст возможности беспрестанно оттягивать ловким жалобщикам исполнение решения и на много сократит прохождение дела в порядке надзора.

Нарсудья 3 уч-ка г. Сталинграда

Сычева-Крейдтнер.

43 ст. ГПК и ростовщичество.

По п. В 43 ст. ГПК, судпошлина и пр. расходы не взыскиваются с трудящихся, признанных судом не имеющими достаточной средств, и практикой большинства судов б. Псковской губернии применение этого пункта допущается в самых редких случаях: ККОВские и с/советские справки не принимаются в расчет, т. е. на этой почве были и всегда возможны ошибки. Особо редко применяет суд 43 ст. при семейно-имущественных разделах, и вот в этих делах истцы, в силу узко-фискального взгляда судов, вынуждены заключать кабальные сделки, занимать суммы на судпошлины по шейлоковским процентам. В моей практике за 10 месяцев я наблюдал до 12—15 случаев, когда в силу излишне формального отношения страдали интересы экономически слабейшего. Крестьянин Н., старик, нетрудоспособный, изгоняется сыновьями. При выделе части имущества на его долю должно прийти несколько сот рублей, но средств на уплату судпошлин он не имеет и, вследствие отказа суда применить 43 ст. ГПК, вынужден отказаться от части имущества и по 49—50 ст. Код. зак. о браке, семье и опеке просит только содержание. Это характернейший случай, повторяем, с небольшими вариантами, довольно часто.

Второй пример: ушедшая жена (часто с детьми) не может предъявить иска, опять-таки вследствие отсутствия средств, а сумма иска велика. В этих случаях приходится прибегать к 15 ст. того же закона о браке. Но бывает и часто, что истцу удается получить потребную сумму путем займа или продажи предполагаемой к получению части имущества и в этих случаях «благотворители», в большинстве кулаки, или лупят такие проценты, что страх берет, или же закупают имущество за бесценок.

Не заглянуть ли НКЮ и в 43 ст., предложив судам более гибко действовать в случаях семейно-имущественного раздела и тем самым устранить закабаление в деревне и искусственный обход прямых целей истцов. Ни фискальные интересы государства, ни что другое при более частом применении п. В 43 ст. не пострадает, а лишь отпадет необходимость вторично разбирать дела о выделе и уменьшится закабаление и ростовщичество.

Член коллегии защитников Боровичского округа Ленинградской обл. *Н. Бедюхов.*

Надо изменить 246 ст. ГПК.

В практике ГКО окр. судов очень часто встречаются случаи, когда необходимость в изменении 246 ст. ГПК в смысле расширения прав кассационных инстанций по изменению решений встает со всей очевидностью. В особенности эта необходимость вызывается условиями работы ГКО в Дальне-Восточном крае.

Я приведу здесь несколько примеров, которые подтверждают выдвигаемое мною положение.

Нарсудом Сахалинского района разрешено дело о потраве. С ответчика взыскана стоимость 15 пудов потравленного сена — 30 рублей. По кассационной жалобе ответчика дело поступает в ГКО с указанием, что стоимости одного пуда сена в 2 р. на Сахалине никогда не было и нет. ГКО, признавая явную чрезмерность 2-рублевой оценки пуда сена, а также не находя никаких нарушений в решении, встает перед вопросом: отменить ли по этому основанию решение, утверждать ли его или изменять его в сторону уменьшения присужденной суммы? Отменять такое решение и передавать его на новое рассмотрение в другой суд (в данном случае или в Николаевск н/Амуре или во Владивосток) это значит «похоронить» дело на целый год или полтора года, т. к. эти пункты друг от друга находятся на несколько сот верст, и между ними отсутствует в зимнее время (полюбрь—апрель) почтовая связь. Утверждать такое решение является явно несправедливым, ибо для крестьянина-бедняка и середняка излишне присужденные с него 10—12 руб. являются большой суммой, уплатить которую он может лишившись лошади, коровы и т. д. Изменять же его на основании 246 ст. ГПК ГКО не дано право, т. к. это является существом дела и кассационной проверке по смыслу 237 ст. ГПК не подлежит.

Или второй случай—с одного гражданина присуждены алименты на содержание ребенка по 15 руб. в месяц. Оклад содержания его 50 руб. в месяц и на иждивении 3 чел. семьи, жена его (истца) материально вполне обеспечена, одинокая и в состоянии сама оказывать большую помощь своему ребенку. Дело по жалобе ответчика поступает в ГКО. Из дела вполне усматривается, что нарсуд не учел положение ст. 52 Код. зак. о браке, и явно несправедливо возложил «бремя алиментов» на ответчика. Спрашивается, может ли ГКО, не отменяя решение, изменить присужденные платежи в сторону их уменьшения? Подобных примеров в практике работы Хабаровского ГКО окр.суда очень много.

По-моему, как в первом, так и во втором случае она должна это сделать и ей 246 ст. ГПК должна предоставить это право, ибо повторяю, что если отменять такие решения в условиях Дальнего Востока, где резиденции нарсудов друг от друга находятся на расстоянии нескольких сотен верст, где в зимнее время нет почтовой связи, где в летнее время почта приходит один раз в месяц, где не имеется возможности вручить сторонам повестки, это значит «похоронить» дело, а вместе с ним и интересы трудящегося.

Никакого нарушения интересов сторон этим изменением 246 ст. ГПК не будет. Надо дать ГКО такое же право изменять решения нарсудов, как это дано 419-а ст. УПК.

Этим самым мы можем проводить решительную борьбу с волокитой и затяжкой разрешения дел, уменьшив %% отмены решений судов и дадим ГКО исправлять ошибки народных судов, допускаемые ими или по несмотру или по незнанию законов.

Думаю, что этот вопрос назрел и разрешение его в предлагаемом мною смысле вызовет одобрение у всех работников кассационных отделений, нарсудей и населения.

Н. М.

Дальне-Восточный край, гор. Хабаровск.

Советское законодательство.

(Обзор за время с 22 по 28 марта 1928 г.).

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Уголовное законодательство.

1. Пост. ЦИК и СНК СССР от 1 февраля об ответственности за нарушение законов о капитальном строительстве («С. З.» № 12, ст. 102) устанавливает неуклонное привлечение к уголовной ответственности за превышение власти или служебных полномочий руководителей учреждений и предприятий, производящих промышленное строительство с нарушением порядка, установленного положением от 23 ноября 1927 г. о порядке утверждения проектов по промышленному строительству и инструкции ВОНХ по применению этого постановления («С. З.» 1927 г. № 66, ст. 672). Издание постановления мотивируется случаями приступа к капитальному строительству до утверждения в установленном порядке планов, смет и технических проектов, так как эти действия срывают плановое проведение реконструкции народного хозяйства и большей частью сопровождаются нецелесообразным и неэкономным расходом значительных государственных средств.

Хозяйственное законодательство.

2. Пост. ЦИК и СНК СССР от 21 марта о вывозе, ввозе, пересылке и переводе за границу и из-за границы валютных и фондовых ценностей («Изв. ЦИК» от 23 марта, № 70) издано в отмену ряда постановлений нашего валютного законодательства. Разрешается вывоз выезжающими за границу лицами иностранной валюты и платежных документов, в ней выписанных, благородных металлов и драгоценных камней на общую сумму до 300 рублей на одно лицо; на каждого члена семьи, выезжающего по паспорту главы семьи, разрешается вывозить на сумму до 150 рублей. При наличии особо уважительных причин особое валютное совещание может разрешать вывоз ценностей сверх установленных норм. В отношении лиц, подпадающих под действие особых по данному предмету международных соглашений применяются нормы этих последних. В пределах установленных норм Госбанк продает лицам, предъявляющим документы на право выезда из СССР, иностранную валюту. Воспрещен вывоз за границу банковых бон, установка, как общее правило, что такие переводы и металлической монеты, а также платежных документов, выписанных в валюте СССР. Исключение допускается для векселей, вывоз которых может производиться с разрешения особого валютного совещания, и для чеков и других платежных приказов на текущие счета, открываемые специально для расчетов по внешней торговле, на счета заграничных корреспондентов кредитных учреждений СССР, а также дорожных чеков Госбанка.

В отношении ввоза из-за границы иностранной валюты и выписанных в ней платежных документов всякие ограничения сняты; НКФ СССР предоставлено вводить ограничения в отношении отдельных видов иностранной валюты. Для ввоза из-за границы банковых билетов Госбанка, государственных казначейских билетов, металлической монеты СССР и платежных документов, выписанных в советской валюте, требуется представление доказательств вывоза их за пределы Союза до 1 августа 1926 г. Что же касается чеков и векселей, выписанных в валюте СССР, то их ввоз разрешается без ограничения сумм и независимо от срока их вывоза за границу.

В целях борьбы с участвовавшими случаями перевода за границу ценностей не через почтовые и банковские учреждения, установлено, как общее правило, что такие переводы и пересылка за границу и из-за границы ценностей воспрещаются. Переводом признается прием ценностей в пределах СССР с выплатой валютного эквивалента за границей и наоборот. На общую сумму до 100 рублей в месяц на одно лицо разрешается перевод и пересылка валютных ценностей через кредитные и почтовые учреждения. Для превышения этой нормы требуется предварительное разрешение особого валютного совещания, выдаваемое по представлению доказательств необходимости перевода для оплаты ввозимых товаров, для покрытия накладных торговых расходов, выполнения поручений ведомств, либо по особо-уважительным причинам личного характера. Перевод и пересылка валютных ценностей из-за границы разрешается без ограничения сумм.

Лица, приезжающие из-за границы с целью временного пребывания и привозящие с собою или получающие через право в течение двух месяцев со дня въезда из-за границы

посредством кредитных учреждений валютные ценности, имеют беспрепятственно вывезти их или перевести через кредитные учреждения. Именные чеки и аккредитивы, выписанные на их имя, могут быть этими лицами вывезены или пересланы и после истечения двухмесячного срока. Для вывоза и пересылки за границу облигаций госзаймов требуется разрешение НКФ СССР. Допускается лишь с разрешения особого валютного совещания ввоз, вывоз и пересылка за границу и из-за границы облигаций иностранных публичных займов, а также акций и облигаций иностранных государственных, общественных и частных учреждений и предприятий.

В случае представления выезжающим за границу лицом к таможенному досмотру ценностей, запрещенных к вывозу или сверх дозволенных норм, таковые за границу не пропускаются; они могут быть возвращены лишь в порядке, установленном ст. 237 Таможенного Устава («С. З.» 1925 г. № 5, ст. 53). Нарушение постановления влечет ответственность в уголовном порядке. Незаконно провозимые и пересылаемые ценности конфискуются, как контрабанда.

3. Пост. СНК СССР от 15 марта по отчету Центральной Комиссии по введению метрической системы мер и весов при СТО («Изв. ЦИК» от 23 марта, № 70). Центральной Метрической Комиссии поручено утвердить по соглашению с заинтересованными ведомствами трехлетний план работ, необходимых для окончательного закрепления метрической системы, а также разработать систему мероприятий, необходимых для проведения плана в жизнь. Осуществление плана возложено на соответствующие учреждения, предприятия и организации. Центральная Комиссия упраздняется с 1 октября 1928 г. При СТО учреждается должность инспектора по наблюдению за осуществлением плана окончательного закрепления метрической системы мер и весов.

4. Пост. СТО от 30 января о мерах к развитию овцеводства в десятилетие 1927—1937 года («С. З.» № 13, ст. 108) издано в виду чрезвычайно важного значения овцеводства в деле снабжения шерстью промышленности и общего увеличения доходности народного хозяйства. Комиссия по овцеводству при СТО организует массовое развитие стад тонкорунных и полугрубошерстных овец, привлекая к этому делу кооперированное и некооперированное население овцеводческих районов, а также советские хозяйства. В ближайший период организуются племенные рассадники республиканского и местного значения, расширяется сеть ветеринарных пунктов, заканчивается зоотехническое и экономическое обследование овцеводства в наиболее важных районах, организуется премирование овцеводов на выставках и т. п., отпускаются средства для усиления работы в этом отношении сельскохозяйственной кооперации. Особое внимание обращается на укрепление и развитие правильно организованной овцеводческой кооперации, которой предоставляются всякие льготы. Устанавливаются налоговые льготы.

Народная связь.

5. Пост. СНК СССР от 13 марта об изменении такс за передачу местных телеграмм («Изв. ЦИК» от 23 марта, № 70). Установлена оплата этих телеграмм (обмениваемых в пределах данного населенного пункта, а также доставляемых за пределы его с парочным) в размере двух копеек за слово. Подепешный сбор сохранен.

Транспорт.

6. Пост. СТО от 25 января об изменении положения об управлении морскими торговыми портами («С. З. № 12, ст. 107).

Жилищное законодательство.

7. Пост. ЦИК и СНК СССР от 15 февраля о предоставлении органам Наркомвоенмор права административного выселения из закрепленных за ним домов («С. З.» № 13, ст. 110) издано в целях улучшения жилищных условий кадрового начсостава РККА. Из всех закрепленных за военным ведомством домов, как находящихся на территории казарм, так и вне этой территории, допускается выселение всех лиц, кроме военно-служащих рядового состава, отбывающих непрерывно эту службу, и кадрового начсостава и их семей. В месячный срок должны быть внесены соответствующие изменения в законодательство союзных республик. Лицам, принадлежащим к трудовым категориям населения, должна быть предоставлена местными советами жилая площадь.

Социальное страхование.

8. Пост. ЦИК и СНК СССР от 14 марта утверждено положение об обеспечении в порядке социального страхования по

случаю инвалидности и по случаю потери кормильца («Изв. ЦИК» от 25 марта, № 72). Оно вводится в действие с 1 марта. Порядок применения положения к страховым случаям, возникшим до введения его в действие, устанавливается Союзным Советом Социального Страхования. Обеспечение в порядке социального страхования распространяется на лиц, работающих по найму в случае наступления стойкой нетрудоспособности (инвалидности) и на членов семьи лиц, работающих по найму—в случае потери кормильцев. Обеспечение предоставляется в случае потери трудоспособности вследствие несчастного случая, происшедшего в связи с работой по найму, независимо от продолжительности последней, вследствие профессионального заболевания при условии работы в определенной отрасли производства в течение установленного для данной отрасли срока и вследствие других причин, при наличии общего стажа работы по найму от 1 до 8 лет, в зависимости от возраста. Списки профзаболеваний, общий и частный стаж работы устанавливаются Союзным Советом Соцстраха. Он же устанавливает различные группы инвалидности. Для приобретения права на обеспечение вследствие профессионального заболевания необходимо установление инвалидности в период работы по найму или до истечения определенного срока со дня прекращения работы по найму в данной отрасли производства. Лица же, утратившие трудоспособность вследствие других причин, приобретают право на обеспечение, если их инвалидность установлена в период работы по найму, либо во время получения пособия по безработице или перерыва между двумя периодами получения пособия, либо в течение двух лет со дня прекращения работы по найму. Для получения обеспечения по случаю потери кормильца необходимо состояние члена семьи на иждивении умершего или безвестно отсутствующего, при чем право это принадлежит достигшим 16-летнего возраста детям, братьям и сестрам, достигшим этого возраста, но утратившим трудоспособность тем же членам семьи, нетрудоспособным, либо достигшим 60-летнего (мужчины) или 55-летнего (женщины) возраста родителям и супругу. Родители и супруг умершего или безвестноотсутствующего приобретают право на обеспечение, хотя бы они и не удовлетворяли приведенным условиям, если они заняты уходом за достигшими 8-летнего возраста детьми, братьями и сестрами. Установлен ряд условий для выдачи обеспечения членам семьи.

Обеспечение осуществляется в форме выплаты денежных пенсий и предоставления иных видов помощи, заменяющих эти пенсии. Лицу, полностью утратившему трудоспособность и нуждающемуся в постороннем уходе, обеспечение определяется в размере его заработка от работы по найму, если инвалидность явилась результатом профессионального заболевания или несчастного случая, происшедшего в связи с работой по найму, и в размере не менее $\frac{2}{3}$ заработка, если инвалидность явилась результатом других причин. В пониженном размере в зависимости от группы инвалидности определяется пенсия лицу, полностью утратившему трудоспособность, но не нуждающемуся в постоянном уходе, а также частично утратившему трудоспособность лицу. Пенсии по случаю потери кормильцев определяются в размере $\frac{1}{4}$, либо не менее $\frac{1}{6}$ заработка кормильца. Для семьи, состоящей меньше, чем из трех лиц, определяется пониженный размер пенсии. Не позднее двух лет со дня прекращения работы по найму, либо прекращения обеспечения по временной нетрудоспособности должны быть предъявлены страховой кассе требования о назначении пенсии по случаю инвалидности. Такой же двухлетний срок установлен для предъявления требований о выплате пенсии по случаю потери кормильца.

Своевременно невостребованные платежи по назначенным пенсиям выплываются в течение 6 месяцев. Наличие заработка от работы по найму или иных доходов может служить основанием для лишения права на пенсию, либо для ее уменьшения, либо приостановки выдачи. Взамен выдачи пенсии нетрудоспособные лица могут быть помещаемы в инвалидные учреждения, а дети—в закрытые учреждения Наркомпроса.

9. Пост. ЦИК и СНК СССР от 17 марта о дополнении пост. ЦИК и СНК СССР от 3 января 1928 г. о социальном страховании лиц, занятых в строительстве («Изв. ЦИК» от 28 марта, № 74). В связи со снижением с 1 декабря 1927 г. взносов на социальное страхование лиц, занятых в строительстве, могут быть по требованию заказчика пересмотрены договоры подряда на производство строительных работ, заключенные до опубликования рассматриваемого постановления с целью снижения вознаграждения, причитающегося подрядчику (см. «С. З.» 1928 г., № 3, ст. 26).

Государственное страхование.

10. Пост. СТО от 20 февраля об обязательном окладном страховании на 1928 г. морских ловецких судов, плавающих в северной части Каспийского моря («Изв. ЦИК» от 28 марта, № 74). Обязательное страхование распространяется на суда, принадлежащие населению и кооперативным организациям Калмыцкой области и Астраханской губернии. Во время плавания производится окладное страхование от всяких опасностей, а во время нахождения на берегу—только от огня. Тарифу установлен в размере 2% в год с суммы страхового обеспечения. Страховые платежи вносятся одновременно с выборкой билетов на право рыболовства на срок действия билета. Установлены льготы для беднейших или разоренных стихийными бедствиями ловецких хозяйств, семей красноармейцев и переселенцев и расселенцев.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Ф и н а н с ы.

1. Пост. Президиума ВЦИК от 30 января об отмене ст. 136 пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июля 1927 г. по докладу НК РКК СССР и РСФСР о пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления («Изв. ЦИК» от 22 марта, № 69). Таким образом, предусмотренная означенной статьей передача с местных средств на общегосударственный бюджет расходов по снабжению коммунальными услугами войск РККА, ОГПУ и конвойной стражи СССР, назначенная на начало текущего бюджетного года, не состоится (см. «С. У.» 1927 г. № 79, ст. 533).

2. Пост. СНК РСФСР от 6 марта о налоговых льготах обществу содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог в РСФСР («Автодор») («Изв. ЦИК» от 22 марта, № 69). «Автодор» и все принадлежащее ему и его местным организациям, а также арендуемые ими предприятия, освобождены от промыслового, подоходного и от всех местных налогов и сборов.

3. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 13 марта о предоставлении народным комиссариатом РСФСР и автономных республик права устанавливать и взимать особые сборы в возмещение расходов по выполнению работ в интересах частных физических и юридических лиц («Изв. ЦИК» от 28 марта, № 74) издано на основании аналитического постановления ЦИК и СНК СССР от 26 ноября 1927 г. («С. З.» № 67, ст. 681) и в общем повторяет его содержание.

4. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 5 марта о разделении государственных фондов на общереспубликанские и местные («Изв. ЦИК» от 27 марта, № 73) относит к общереспубликанским фонды, находящиеся непосредственно в распоряжении наркоматов, трестов, других государственных предприятий и объединений общереспубликанского значения, а также признанные особыми постановлениями законодательных органов имеющими общереспубликанское значение. Фонды, числящиеся в инвентаре госорганов, состоящих на местном бюджете, или в уставном капитале госпредприятий местного значения, находящиеся в их фактическом ведении, либо поступившие в ведение местных советов на основании особых законоположений, признаются фондами местного значения. Разногласия между особой частью госфондов при НКФ РСФСР и местными исполкомами разрешаются ВЦИК.

5. Пост. СНК РСФСР от 13 декабря об освобождении от промыслового налога производственных артелей, мастерских и других предприятий, организуемых комиссией по улучшению труда и быта трудящихся женщин Востока («С. У.» № 8, ст. 79). Для пользования льготами необходимо, чтобы предприятия находились в непосредственном ведении и под контролем комиссий и не сдавались ими в аренду, а равно не передавались посторонним лицам и учреждениям на комиссииных началах, чтобы артели состояли из трудящ. женщин Востока, а посторонний элемент не превышал 10% общего числа членов артели, и, наконец, чтобы годовой оборот данного предприятия не превышал 20.000 рублей в год.

Кооперация.

6. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 5 марта о продлении до 1 января 1929 г. срока перехода на новый устав промысловых кредитно-кооперативных организаций («Изв. ЦИК» от 27 марта, № 73) издано во изменение ст. 1 пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 24 октября 1927 г. о промысловой кредитной кооперации («С. У.» № 114, ст. 767).

Кодекс законов о труде.

7. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 13 марта об изменении ст. 189 Кодекса законов о труде («Изв. ЦИК» от 28 марта, № 74) перечисляет членов семей, имеющих право на обеспечение в порядке социального страхования в случае смерти или безвестного отсутствия лиц, работающих по найму; к числу обеспечиваемых отнесены усыновители и усыновленные.

Просвещение.

8. Пост. СНК РСФСР от 30 декабря об изменении ст. 10 пост. СНК РСФСР от 25 июля 1927 г. о внешкольных мероприятиях по борьбе с хулиганством («С. У.» № 9, ст. 89). ВСНХ РСФСР должен установить в месячный срок льготные условия продажи музыкальных инструментов профессиональным и культурно-просветительным организациям с тем, чтобы эти инструменты отпускались с рассрочкой платежа и со скидкой против объявленных цен.

Жилищное законодательство.

9. Пост. СНК РСФСР от 21 декабря по плану жилищного строительства в РСФСР на 1927—28 год («С. У.» № 9, ст. 88). План жилищного строительства республиканского и местного значения составлен в сумме 259.725.000 рублей; из них по частному сектору всего 79.000.000 рублей. Дан ряд заданий наркоматам, Цekomбанку и местным исполкомам по усилению темпа жилищного строительства, по кредитованию и финансированию его и т. п.

10. Пост. ЭКОСО РСФСР от 17 декабря о дополнении ст. 3 временного положения о порядке рассмотрения, утверждения и осуществления проектов строительства непромышленного значения («С. У.» № 9, ст. 90). Наркомздрав вырабатывает типовые эскизные проекты зданий для учреждений лечебно-профилактического назначения; лишь с соблюдением этих проектов можно приступать к постройке новых зданий или к капитальному перестроению и приспособлению для той же цели существующих зданий.

Сельское хозяйство.

11. Пост. ЭКОСО РСФСР от 17 марта о ликвидации государственного сельско-хозяйственного мелиоративного треста («Изв. ЦИК» от 22 марта, № 69).

Землеустройство.

12. Пост. ЦИК и СНК РСФСР от 30 января утверждено положения о сплошном и обязательном землеустройстве автономной Бурят-Монгольской ССР («Изв. ЦИК» от 24 марта, № 71).

Лесное законодательство.

13. Пост. СНК РСФСР от 30 декабря 1927 г. утверждено положение о лесах местного значения («С. У.» № 10, ст. 95), до настоящего времени эксплуатировавшихся на основании разрозненных законодательных и ведомственных актов. Лесами местного значения признаются участки лесов, выделенные наркоматами земледелия в порядке ст. 5 Лесного Кодекса и переданные в пользование трудовых землепользователей. Право пользования древесиной и побочными пользованиями в лесах местного значения устанавливается бессрочно и без взимания лесного дохода. В лесах местного значения

должно вестись правильное лесное хозяйство; устройство лесов относится за счет лесопользователей. Основаниями для изъятия от лесопользователей лесов местного значения являются: землеустройство, систематическое, установленное в судебном порядке нарушение правил лесного хозяйства со стороны лесопользователей и особо важные государственные потребности. Изъятие лесов по последнему основанию производится по постановлениям высших органов Республики; по другим основаниям—местных исполкомов. Неправильное ведение лесного хозяйства влечет ответственность сельсоветов и волисполкомов в дисциплинарном и в уголовном порядке. За лесонарушения, допущенные лесопользователями и посторонними лицами, установлена ответственность в порядке уголовного и административного. Органами непосредственного заведывания и управления лесами признаются сельские советы; общее же наблюдение за выполнением этих обязанностей сельскими советами осуществляется волисполкомами, руководство последними проводится исполкомами через соответствующие земуправления. Ряд обязанностей возложен на сельсоветы и волисполкомы; последние налагают штрафы на лесонарушителей. Древесина, вырубаяемая согласно плану хозяйства или правилам, распределяется сельсоветами следующим образом: определенный процент отчисляется на общественные надобности. Остаточная древесина распределяется между лесопользователями и всем трудовым населением, проживающим на территории земельного общества, в пользовании которого находится участок. Строевая древесина распределяется по действительной нужде; в первую очередь удовлетворяются малоимущие хозяйства и хозяйства, пострадавшие от пожара. Дровяная древесина распределяется по хозяйствам. После распределения сельский совет выдает разрешение на рубку леса. В случае надобности производится клеймение подлежащих вырубке деревьев. Если общественные надобности удовлетворены полностью и имеются излишки древесины, может быть продана лесосека, подлежащая вырубке с обращением вырученной суммы исключительно на улучшение лесного хозяйства. Расходы по охране и ведению лесного хозяйства возлагаются на население. Возможна оплата древесины, получаемой населением из лесов местного значения; частично или полностью освобождаются от этой оплаты лица, освобожденные от уплаты сельхозналога, пострадавшие от стихийных бедствий, инвалиды труда и войны и т. д. Охрана лесов проводится сельсоветом путем найма постоянных лесных сторожей, возможно также и назначение сторожей, выбираемых из числа пользователей общим собранием сроком не менее, чем на один год. Лесные сторожа утверждаются и увольняются волостными исполкомами. Они приравниваются к государственной лесной страже и вооружаются за счет лесопользователей.

Для производства расходов по охране и ведению лесного хозяйства образуются специальные денежные фонды из взносов лесопользователей в виде платы за древесину, из денежных сумм, взысканных за лесонарушения, из сумм, вырученных от продажи отобранной у лесонарушителей древесины и вообще от продажи древесины, а также из отчислений от местных средств сельских советов.

14. Пост. ЭКОСО РСФСР от 15 октября об операциях наркомземов РСФСР и автономных республик по снабжению сельского населения безлесных районов готовыми лесными материалами («С. У.» № 10, ст. 96).

М. Брагинский.

В Совнарком РСФСР.

Проект морского торгового кодекса Союза ССР.

Совнарком РСФСР одобрил разосланный Правительством СССР на заключение союзных республик проект морского торгового кодекса Союза ССР.

Не имея возможности привести здесь все принципиальные и наиболее существенные положения одобренного Совнаркомом РСФСР проекта, ниже приводим лишь самые основы его.

В проекте соединены нормы разделяющиеся на три основные группы и регулирующие: а) требования, которым

должно удовлетворять с точки зрения государственно-правовой судно, для того, чтобы ему могло быть присвоено право плавать под флагом Союза ССР и чтобы оно могло осуществлять соответствующую деятельность, а также связанные с правом плавания под означенным флагом некоторые исключительные правомочия в области перевозок; б) отношения между судовладельцем и экипажем судна, и в) частно-хозяйственные отношения между морским перевозчиком и грузовладельцем, а равно с третьими лицами, хозяйственные интересы которых входят в соприкосновение с инте-

ресами судовладельца (арматора) по поводу морского плавания.

В основу проекта положено советское законодательство по торговому мореплаванию как общесоюзное, так и республиканское, изданное еще до образования Союза ССР, при чем при разработке проекта принимались во внимание нормы международного морского права, отразившиеся в целом ряде принятых за последние годы на Западе конвенций, иностранные морские кодексы и проект русского уложения о торговом мореплавании, выработанный в 1902—1910 гг. Необходимость ориентироваться в некоторых отношениях на международные нормы вызвана тем, что целый ряд постановлений Кодекса будет при-

меняться к тем или иным отношениям советских органов с иностранцами, а равно к деятельности советского флота за границей.

Проект кодекса включает в себя около 350 статей и делится на 14 глав, содержание которых сводится к следующему:

ГЛАВА I. Вводные постановления—закладывает в себе коллизийные нормы, направленные к разрешению могущих иметь место, при рассмотрении в суде тех или иных споров, конфликтов разноместных законов. За исключением постановлений о морской перевозке, все прочие коллизийные нормы представляют собой попытку суммировать имеющиеся в этом отношении результаты работ международных конференций и науки морского права; они дают соответствующие положения, указывающие на сферу применения кодекса, в отношении отдельных категорий его норм, и тем самым эти коллизийные статьи указывают и допустимые пределы применения в советских судах иностранного закона к тем или другим соответствующим правоотношениям, вместе с тем определяют для СССР возможность претендовать на применение к судам, плавающим под флагом СССР, на основе взаимности, в соответствующих отношениях нашего закона в иностранных судебных учреждениях. Далее, водная глава кодекса указывает то содержание, которое вкладывается в понятие «морское судно», объединяющее ряд отдельных разновидностей этого понятия; такое определение этого содержания явилось необходимым потому, что различные главы кодекса относятся не всегда к совокупности отдельных категорий морских судов. Наконец, в первую главу проекта вошли также постановления, касающиеся определения понятия принадлежности судна, следующих судьбе судна.

ГЛАВА II. О морском судне—является воспроизведением общесоюзных законов «о праве плавания под флагом СССР и о владении морскими торговыми судами на праве собственности» от 5 октября 1924 г. и «о порядке продажи и залога морских торговых судов» от 8 августа 1924 г. и республиканских законов: «о приписке и регистрации судов»—пост. СНК РСФСР от 20 мая 1926 г. и «о судовых документах»—пост. СНК РСФСР от того же числа с некоторыми изменениями.

ГЛАВА III. О судовладельце—дает определение этого понятия, имеющего двойное значение (собственник судна и арматор).

ГЛАВА IV. О судовом экипаже—значительно отличается от действующего закона; так, в целях придания капитану судна надлежащих полномочий по отношению к другим лицам судового экипажа и поднятия дисциплины на судах морского торгового флота СССР проект предусматривает право капитана на отвод кандидатов на вакантные должности экипажа и право увольнять во время рейса любое лицо судового экипажа; внесена надлежащая точность в вопросе об определении ответственности капитана за его действия и упущения и введено указание на его исключительные полномочия в отношении приобретения средств, в соответ-

ствующих случаях, для продолжения рейса; наконец, предоставлены особые полномочия НКПСу разрешать по соглашению с органами профессионального союза водников, в отношении некоторых категорий судов, плавающих на Дальнем Востоке, отступления от принципа в силу которого весь постоянный состав экипажа должен комплектоваться гражданами Союза.

ГЛАВА V. О праве морской перевозки в заграничных и каботажных сообщениях—воспроизводит без существенных изменений принципа соответствующего общесоюзного закона от 8 июля 1924 г. с дополнениями от 6 марта 1925 г. и от 15 октября 1926 г., подтверждая исключительное право советского флага на каботажные перевозки.

ГЛАВА VI. О договоре морской перегрузки (грузов и пассажиров)—является почти текстуальным повторением действующего закона ЦИК и СНК Союза ССР 28 июня 1926 г. По сравнению с этим последним проект содержит следующие изменения: а) исключено упоминание о возможности передавать именные коносаменты, б) право распоряжения грузом признано лишь за отправителем, в) право распоряжения грузом отдельно от права требовать его выдачи, г) введено указание на применение портовых обычаев в случае отсутствия соглашения сторон о продолжительности срока погрузки и д) в связи с постановлениями главы XIII о привилегированных требованиях к грузу введены соответствующие изменения в статью, касающуюся права фрахтовщика на преимущественное удовлетворение из стоимости груза.

ГЛАВА VII—закладывает в себе постановления о бодмерее (морском займе). Этот институт предусмотрен в проекте в силу того, что в отношении советских частновладельческих судов, не имеющих агентуры, случаи бодмерее практически могут иметь место; кроме того не исключена возможность применения договора морского займа в отношении груза, перевозимого и на судах государственных мореходных предприятий. Необходимость предусмотреть особенности бодмерейного займа (заключение сделки несобственником имущества, а капитаном, непередача заложенного имущества кредитору, лишение кредитора права требования в случае гибели заложенного имущества) вытекает еще из того, что действующий Консульский Устав Союза ССР предусматривает возможность заключения бодмерейного займа.

ГЛАВА VIII. Об аварии—является повторением действующего закона от 7 апреля 1927 г. по тому же предмету.

ГЛАВА IX. О возмещении убытков от столкновения судов—повторяет закон по тому же предмету от 21 декабря 1926 г., содержащий принципы Брюссельской конвенции 1910 г. о столкновениях.

ГЛАВА X. О вознаграждении за оказание помощи—также воспроизводит с некоторыми незначительными изменениями действующий закон от 23 декабря 1924 г. и основана на Брюссельской конвенции 1910 г. о

вознаграждении за спасение на море. Изменения эти заключаются в следующем: а) в проект внесены постановления, соответствующие ст. 8 названной конвенции, б) указаны основания для распределения вознаграждения между владельцем и экипажем судна, плавающего под флагом СССР, причитающегося этому судну за оказание помощи.

ГЛАВА XI. О затонувшем в море имуществе—устанавливает, по примеру иностранных законодательств, особые права государства на затонувшее имущество, по отношению которого собственник не принял мер к его подъему, при чем различные последствия наступают в случае наличия опасности судоходству от затонувшего имущества и в случае отсутствия такой опасности; в последнем случае устанавливается общий срок для приобретения давности в пользу государства.

ГЛАВА XII. Об ограничении пределов ответственности судовладельца—содержащая один из основных принципов морского права, признаваемый законодательством всех стран (ограничение ответственности судовладельца в известных случаях суммой стоимости судна и фрахта), повторяет постановления действующего закона от 28 мая 1926 г.

ГЛАВА XIII. О привилегированных кредитах—вносит ряд новых постановлений в наше морское право. Особенность взаимоотношений, возникающих из морского плавания, заключающаяся в том, что целый ряд требований может быть удовлетворен исключительно из т. н. морского имущества судовладельца, т. е. только из стоимости данного судна и причитающегося судовладельцу фрахта, а не из прочего его имущества, естественно вызвала установление особой очереди удовлетворения связанных с плаванием требований к судну и фрахту, т. н. привилегированных требований, следующих впереди требований вытекающих из залога судна и всех остальных требований к судовладельцу и которая определяется общими гражданскими законами.

Равным образом, те же специфические условия морской перевозки повлияли существенным образом и на установление очередности удовлетворения соответствующих требований к грузу; так как согласно норм, определяющих отношения по договору морской перевозки, право фрахтовщика на фрахт и на погибший груз утрачивается, то это обстоятельство вызвало необходимость установления приоритета перед требованиями фрахтовщика о причитающемся ему фрахте, за теми требованиями, которые вытекают из обстоятельств, способствовавших доставлению груза в место назначения и обусловивших тем самым возможность получения фрахта судовладельцев (например, расходы произведенные с целью сохранения груза, вознаграждение за спасение, взносы по общей аварии, бодмерейные деньги и т. п.), требование о фрахте следует вслед за этими требованиями, не ранее требований из залога груза и прочих требований к грузовладельцу. В течение последних лет, дипломатическая конференция в Брюсселе, занятая вопросами унификации морского права, разработала проект международной конвенции о

привилегированных требованиях, который был пересмотрен в 1926 г. Редакция этой конвенции, принятая в 1926 г., и послужила основным материалом для главы XIII проекта кодекса. Главным отличием нашего проекта от конвенции 1926 г. является перенесение на второе место с четвертого гробований, вытекающих из причинения вреда жизни и

здоровью лиц судового экипажа и пассажиров.

ГЛАВА XIV. О морском страховании — основана на так называемых общегерманских правилах морского страхования 1919 г. В виду разнообразия отношений по морскому страхованию большинство постановлений проекта носит диспозитивный характер

и дает тем самым возможность сторонам отступать от этих постановлений в отдельных случаях в зависимости от тех или иных особенностей данного страхования, в этом отношении имеется полная аналогия с той позицией, которую занял проект в деле регулирования отношений по договору морской перевозки.

В институтах и обществах.

В ИНСТИТУТЕ СОВЕТСКОГО ПРАВА.

Секция хозяйственно-трудового права ИСП заслушала доклад Е. Н. Даниловой на тему: «Трудовое законодательство Союза ССР и союзных республик, пределы его единства и пути дальнейшего развития».

Содержание доклада вкратце сводится к следующему: Кодекс Законов о Труде 1922 г., утв. ВЦИК, был воспринят другими союзными республиками без каких-бы то ни было изменений по существу. Это объясняется безусловной необходимостью единообразного регулирования принципиальных вопросов труда во всех советских республиках: поскольку основные положения в этой области, декретированные в Октябрьскую революцию, являются завоеваниями рабочего класса советского государства в целом, и минимуму гарантий для рабочего класса всего Союза ССР должен быть един. При введении КЗоТ в союзных республиках связанные с ним детали нормы во внимание не принимались. Спор об организационных изменениях в КЗоТ УССР разрешился в том смысле, что Украина самостоятельно вносила в него все изменения.

Опыт применения КЗоТ 1922 г. показал, что отдельные вопросы разрешаются союзными республиками различно, и это не затрагивает основных положений КЗоТ (различные законы о квартирниках, изданных на основании прим. к ст. 1 КЗоТ в РСФСР и УССР с одной стороны, и в ЗСФСР, с другой; отличия в отношении регулирования вопросов государственной службы, различия в нормах спецодежды, и др.).

Образование Союза ССР отнесло к компетенции союзных органов издание «основных законов о труде»; различное толкование этого пункта Конституции СССР союзными и республиканскими органами повлекло за собой параллелизм в трудовом законодательстве и несогласованность общесоюзных и республиканских постановлений. КЗоТ рассматривается, как общесоюзный закон по положению о НКТ СССР от 12 ноября 1923 г. и как республиканский закон — по позднейшим актам ЦИК СССР (начиная с декрета 2 января 1925 г. о найме рабочей силы). Постановление НКТ СССР от 1 марта 1924 г. № 110/3 — «Изв. НКТ СССР» 1924 г. № 12), является образцом централизаторских стремлений: предоставление НКТ союзных республик вносит в нормы спецодежды и специнвентария коррективы и дополнения только в зависимости от «местных условий», «разрешение» НКТ республик устанавливать эти нормы самим лишь в том случае, если данное производство имеет место только на территории данной республики и запрещение самостоятельного установления сокращенного рабочего дня и дополнительных отпусков даже для таких производств (КЗоТ предоставляет эти права НКТ республик), являются характерными особенностями этого постановления. Теперь пост. 10 марта 1924 г. — «забытый акт», хотя формально и существующий.

Президиум ЦИК СССР принял постановление о прекращении неконституционной практики НКТ СССР и о проведении всех его постановлений через НКТ союзных республик. Что означает это «проведение»? — Подчинение директивам НКТ СССР, обязательно, отступление возможно только по «местным условиям». Непроведение же того или иного постановления НКТ СССР на территории союзной республики по соображениям неконституционного свойства возможно только при одновременном опротестовании такого постановления в законодательные органы республики (ст. 39 Конституции СССР). Вопрос же о том, что конституционно и что нет, упирается в неопределенность понятия «основных законов о труде».

В настоящее время КЗоТ остаются республиканскими законами, несмотря на наличие в них норм, несомненно, общесоюзного характера (длина рабочего дня, еженедельного отдыха, отпусков, охраны труда несовершеннолетних, общие принципы коллективного и трудового договора и порядка разрешения трудовых конфликтов, соц. страхования); изъяс-

тия же из КЗоТ производится в порядке общесоюзного законодательства. Непорядочность такого положения влечет за собой различные толкования и различные редакции статей КЗоТ по одному и тому же вопросу в отдельных республиках (ст. 47, п. «е» КЗоТ, изд. на основании пост. Съезда Советов СССР от 26 апреля 1927 г.). То же влечет за собой пробелы в общесоюзном законодательстве по регулированию действительно принципиальных вопросов (принудительный арбитраж по требованию хозорганов — различный объем вопросов, подлежащих этому арбитражу, по КЗоТ РСФСР, ЗСФСР и УССР, с одной стороны, и по КЗоТ УССР и БелССР — с другой). Общесоюзные и российские законы о командировках не согласованы между собой, что также вызывает недоумения.

Директива IV Съезда Советов СССР от 26 апреля 1927 г., говоря о необходимости обеспечения единства трудового законодательства союзных республик, поручает тем не менее издать Основной Закон о Труде, а не централизовать все трудовое законодательство. Таким образом, остается неизбежным положение, что общесоюзные органы имеют право издавать постановления только по принципиальным вопросам, требующим единообразного регулирования в силу политических соображений или необходимости планового регулирования некоторых отраслей народного хозяйства в общесоюзном масштабе. По остальным вопросам республики имеют право не только дополнительного, но и общесоюзному законодательству, но и самостоятельного регулирования.

Разнобой в трудовом законодательстве тормозит проведение хозяйственного плана и создает неравенство между одними и теми же категориями трудящихся. Потому республики могут детализировать общесоюзное законодательство только в зависимости от бытовых и климатических условий — таков взгляд сторонников централизма. Но ведь бытовые и климатические условия учитывались даже царским законодательством. Национальная политика и суверенность союзных республик не могут быть уложены в эти рамки — это извращение самого принципа построения Союза ССР. Нужно твердо установить, что союзные республики имеют право разрешать самостоятельно все вопросы, за исключением вопросов, отнесенных к компетенции союзных органов в виду тех целей, которые преследовало образование Союза ССР. В остальном законодательство союзных республик должно быть согласовано только с основными принципами советского строя.

Необходимая мера единства трудового законодательства может быть обеспечена совершенно иным путем, чем нарушающая Конституцию и вредная по существу полная централизация: там, где это единство вызывается политическими соображениями и необходимостью проведения единого хозяйственного плана, основные положения по регулированию труда должны быть устанавливаемы общесоюзным законодательством, а республиканское законодательство должно детализировать их без отступлений от указанных в них принципов. Там, где указанные соображения не имеют решающего значения, республикам должна быть предоставлена возможность законодательствовать самостоятельно, руководствуясь определенными директивами. Во избежание «разнобоя» желательно ознакомление союзных республик с проектами постановлений по вопросам, возникающим не только на территории одной из них, но и в других. Ограничение союзных органов изданием постановлений только по основным вопросам труда и наряду с этим развитие республиканского законодательства по остальным не только не исключает унификации трудового законодательства там, где это вызывается действительной необходимостью, но, наоборот, приведет к ней, тогда как современное положение вещей в этой области создает именно параллелизм, разнобой и непрекращающиеся конституционные споры.

Наряду с несогласованностью трудового законодательства (в широком смысле этого слова) остро стоит вопрос о различном толковании этого законодательства, даже когда оно является юридически или фактически общесоюзным, судебной практикой — разъяснениями пленумов верховных союзных республик (вопросы о порядке расторжения трудового договора,

восстановления в должности, давности по трудовым искам и т. п.).

Именно в смысле внутренней согласованности трудового законодательства (а не внешней его унификации) многое мог бы сделать Верховный Суд СССР, к сожалению, ничего в этом направлении не предпринимающий. Между тем, желательны совещания верховных союзных республик по толкованию принципиальных положений трудового законодательства и усиление инициативы профсоюзных организаций в отношении внесения в законодательные органы соответствующих проектов, пополняющих пробелы трудового законодательства.

После доклада состоялись прения.

Тов. Рабинович отмечает, что для разрешения поставленных докладчиком вопросов нужно найти основной организационный принцип разграничения функций союзного и республиканского законодательства. Однако, из материала, в изобилии приведенного докладчиком, следует, по мнению оппонента, сделать не те выводы, к которым пришел докладчик.

Союз ССР является не только политическим, но и хозяйствующим субъектом, в распоряжении которого находится очень значительная часть рабочей силы (транспорт, госпромышленность и т. д.). В связи с этим союзные органы чрезвычайно заинтересованы в непосредственном регулировании труда во всем Союзе.

Не надо забывать, что если перевести законодательство о труде на язык экономики, то мы получим нормы расхода на рабочую силу. А эти нормы требуют в нашем хозяйстве централизации. Поэтому если вопрос о том, какие из 14 дней отдыха устанавливаются местными отделами труда и носит особой остроты, то вопрос об общем количестве дней отдыха уже требует единого решения на всей территории Союза, ибо этого требуют интересы нашего планового хозяйства.

Местные условия, дающие союзным республикам право отступления от общесоюзных норм, исчерпываются, по мнению оппонента, особенностями климатическими, бытовыми и экономическими; и не следует расширять законодательную самостоятельность республик за эти пределы.

Строго говоря, все статьи Кодекса Законов о Труде относятся к основным законам о труде; так разрешила вопрос и законодательная практика. Таким образом, не основными актами будут лишь законы, дополнительные к КЗоТ.

Весь приведенный докладчиком материал приводит, по мнению оппонента, к такому выводу: нормирование труда, определяющее норму издержек на рабочую силу, должно производиться общесоюзным порядком. Изъятия для союзных республик должны допускаться лишь в случае действительного наличия особых местных условий.

Однако, при этом должна быть исправлена практика законодательства центральных органов: круг вопросов, нормируемых в союзном порядке, должен быть широк; определение всякого рода деталей надлежит предоставить союзным республикам. Кроме того, необходимы улучшения в области техники законодотворения.

Тов. Либерман полагает, что поставленный докладчиком вопрос о централизации и децентрализации законодательства в настоящее время лишен актуального значения: вопрос этот уже решен как конституцией, так и партийной политикой.

По мнению оппонента, нельзя рассматривать климатические условия, как фактор, дающий основания создавать особые нормы в трудовом законодательстве союзных республик.

Тов. Тадевосян полагает, что современные условия планового хозяйства настоятельно требуют точного решения вопроса о разграничении союзного и республиканского законодательства. Оппонент считает правильным тот взгляд, что централизация в этой области необходима и конструкции не нарушает.

Связь планового хозяйства и регулирования труда неоспорима. Поэтому и необходима возможно большая централизация трудового законодательства.

Тов. Троицкий полагает, что при разрешении поставленных докладчиком вопросов нужно различать: а) круг вопросов, нормируемых законодательством, и б) конкретное содержание и детали законодательства. Однако, в трудовом праве нельзя отрывать круг вопросов от содержания нормы. Так, напр., если разрешается вопрос о рабочем времени, то, очевидно, необходимо не только установить, что этот вопрос относится к компетенции Союза, но дать в норме и конкретное указание (восьмичасовой или семичасовой рабочий день).

Именно поэтому говорить о децентрализации нашего трудового законодательства рискованно: в этом случае может

оказаться, что «основы» трудового законодательства ограничатся общими местами, которые дадут слишком широкий простор союзным республикам. А эти два вопроса—о единстве и дифференциации трудового законодательства тесно между собой связаны.

Для обеспечения единства нужно поставить судам некоторые пределы в толковании трудового законодательства.

Тов. Войтинский полагает, что затронутая докладчиком проблема представляет большой интерес и с методологической стороны.

При рассмотрении проблемы разграничения общесоюзного и республиканских законодательств ведутся споры о сочетании единства и дифференциации советского трудового законодательства. При этом должен ставиться вопрос как о формальном, так и о материальном единстве законодательства.

Формулировки, данные докладчиком, представляют собой результат анализа большого материала, и являются, по мнению оппонента в общем правильными. Нужно особо подчеркнуть, что, решая вопрос об отнесении того или иного круга норм к союзной или республиканской компетенции, мы решаем вопрос лишь о формальном единстве законодательства. Но ведь возможно и другое—материальное единство и при формально децентрализованном законодательстве. И практика дает тому не мало примеров. Некоторые законы могли бы быть изданы в республиканском порядке без нарушения этого материального единства трудового законодательства.

При рассмотрении вопроса о необходимой степени централизации законодательства не следует, как это иногда делают, чрезмерно злоупотреблять ссылками на плановые принципы—план нельзя смешивать с шаблоном, ибо общность плана отнюдь не устрояет дифференциации планируемых частей, но лишь дает им необходимое единство.

Что касается факторов, влияющих на дифференциацию нашего трудового законодательства, то надлежит иметь в виду, что даже если бы у нас не было национальной проблемы, то и то дифференциация трудового законодательства на такой огромной территории была бы необходима, хотя, конечно максимальным фактором дифференциации является именно национальная самостоятельность союзных республик.

Положение докладчика нуждается в одном существенном дополнении: централизация нашего законодательства связана с консолидацией всего рабочего класса СССР, находящей себе, в частности, выражение в единстве профессионального движения. Эта консолидация и единство профдвижения отражаются и в материальном единстве нашего трудового законодательства.

Тов. Розенблюм полагает, что необходимо обеспечить достаточную меру централизации трудового законодательства. Этой необходимостью и объясняется большое количество общесоюзных законов о труде, изданных за последние два года. Здесь нужно констатировать несомненное усиление планового регулирования хозяйства.

Особенно большое влияние оказала на усиление централизации нашего трудового законодательства политика цен, борьба за снижение цен, имеющее огромное значение для советского хозяйства.

Вторым очень существенным фактором является, как это правильно отмечено И. С. Войтинским, единство профдвижения; этим и можно объяснить то обстоятельство, что ВЦПС обычно занимается в вопросах трудового законодательства централистическую позицию.

Круг общесоюзных норм в «основах» трудового законодательства по сравнению с «основами» гражданского и уголовного законодательства должен быть, по мнению оппонента, значительно расширен.

Тов. Орлов указывает на то, что централизация трудового законодательства идет по линии единства правовых норм, а децентрализация—по линии учета особенностей республик.

В основе всей работы по упорядочению нашего трудового законодательства должен лежать принцип издания основных законов о труде в общесоюзном порядке. Однако, и союзным республикам должна быть обеспечена достаточная самостоятельность, в особенности, в тех вопросах, решение которых связано с республиканским бюджетом. Необходимо улучшить законодательную технику в смысле нормального соотношения в законодательстве основных и второстепенных моментов.

Тов. Дробышев отмечает необходимость дифференциации нашего трудового законодательства. Нужно в первую очередь обратить внимание на увязку формы нашего трудового права с его материальным содержанием. И формальное

опосредствование материального содержания нашего трудового права должно привести к большей унификации этого права.

Докладчик Е. Н. Данилова отметила в заключительном слове, что необходимость обеспечения единства трудового законодательства в пределах минимума гарантий для рабочего класса ни ею, и никем из оппонентов не отрицалась.

При оценке факторов, влияющих на систему нашего трудового законодательства, нужно иметь в виду не только то, что СССР — хозяйствующий субъект, но и то, что СССР является союзом национальных республик. И этому второму обстоятельству иногда нужно придавать большее значение, чем первому.

В докладе вовсе не содержалось отрицания необходимой меры централизма; больше того, прямо указывалось на отрицательные последствия разнородности в трудовом законодательстве. Однако, нельзя упускать из виду, что сейчас наш централизм тонет в деталях и не уступает союзным республи-

кам того, что по существу лежит в пределах их компетенции. И напрасно один из оппонентов думает, что вопрос о разграничении союзных и республиканских законодательств о труде уже решен. Практика показывает обратное.

Совершенно неверен взгляд, что национальная политика исчерпывается факторами климатическими и бытовыми. Нужно раз навсегда покончить со взглядом, будто СССР является замаскированной Россией. Никогда нельзя забывать, что СССР является союзом национальных республик.

Союзным республикам должна быть предоставлена достаточно широкая инициатива. Материальное единство трудового законодательства вполне достижимо и при достаточно широкой компетенции в этой области союзных республик. Практика показывает, что использование инициативы союзных республик может дать очень много и в смысле усовершенствования нашего трудового законодательства.

Б. Р.

На местах.

Проект нового УПК в юридическом обществе г. Таганрога и округа.

С момента получения на местах № 43 «Е. С. Ю.» с юбилейными статьями т.т. Стучка, Н. Крыленко и др. затрагивавшего вопросы судебной политики Советской власти за первое десятилетие и предстоящие реформы этой политики юридическое общество г. Таганрога приступило к плановой проработке вопросов предстоящей реформы уголовного процесса.

Опубликование в №№ 47 и 48 «Е. С. Ю.» тезисов о реформе УПК, принятых в заседании Коллегии НКЮ 9 июня 1927 года и самого проекта УПК с постановкой наказа НКЮ, дало возможность юридическому обществу на расширенных собраниях судебных работников, нараседавателей, общественных обвинителей и коллегии защитников приступить к планомерно-систематической проработке и ознакомлению с печатными материалами предстоящей реформы уголовного процесса.

С докладом о проекте нового УПК дважды выступал председатель юро, окружной прокурор тов. Михаленко.

Разделяя в целом точку зрения НКЮ о необходимости упрощения судебного процесса и передаче губернским (окружным) судам прав суда исключительного, докладчик выставлял следующие основные положения против состязательного процесса и участия защиты в делах, подсудных губсуду:

1) Состязательный процесс — отрывка буржуазного, юридического крючкотворства, отталкивающего широкие массы трудящихся от органов юстиции и делающего судебный аппарат чуждым нашей советской системе.

2) Пролетарский суд в вопросах и делах судебной классовой репрессии не исходит из принципа состязательности и борьбы двух точек зрения (обвинения и защиты). Не связанный ни в коей мере аргументацией сторон и их логическими выводами, суд часто отвергает логику и обвинения и защиты и выносит приговор в мотивах и карательной санкции, резко противоположных требованиям не только защиты, но и обвинения.

3) Устранением из уголовного процесса защиты, а следовательно, самого факта судового разбирательства, как ненужного балласта, и проведением судебного следствия системой объективного доклада прокурора (ст. 57 п. «а» проекта УПК) исключаются ненужные, формальные гарантии в процессе для классовых врагов революции, но зато обеспечивается в отношении этих врагов твердость судебной пролетарской репрессии.

4) Расширяя подсудность народных судов и оставляя ведению губернских (окружных) судов дела по наиболее важным преступлениям (ст. 11 п. «а»), проект УПК имеет в виду весьма своевременно и основательно предоставить губсудам права исключительных судов, призванных без лишней, процессуальной формальности, обеспечить трудящемуся населению нормальный общественный советский правосудие.

Остановившись на вопросах расширения прав прокуратуры и полного подчинения последней следственного аппарата как в административном, так и в организационном отношении докладчик указал, что эти мероприятия, наряду с расширением категорий дел, подлежащих единоличному рассмотрению судьи, как и создание по предложению РКИ специальных примирительных судов при профсоюзных для

рассмотрения дел «частного обвинения», все это должно будет привести к окончательному оздоровлению судебного аппарата.

Считая, что только консервативная часть судебных работников и коллегия защитников могут возражать против коренного и существенного изменения в построении судебного следственного аппарата, судопроизводства и процесса, докладчик в заключение выразил свою личную точку зрения на судьбы института защитников и, указав на их никчемность в наши дни, пожелал защитникам успехов в поисках «новых хлебов, на новых местах, в иных профессиях».

Доклад т. Михайленко вызвал горячие прения, в которых принимали участие работники суда, коллегии защитников и представители рабочих организаций, приглашенные на заседание юридического общества.

Выступавшие судебные работники, присоединяясь к некоторым высказанным докладчиком положениям, однако, усматривали в факте расширения прав прокуратуры одновременное сужение полномочий суда.

Проект УПК, предоставляя ст. 57 широкие права исследования дела прокуратуре, значительно ограничивает судебные функции по выяснению материальной истины судом на основе тщательного анализа обстоятельств дела в процессе всестороннего судебного следствия в пределах ст.ст. 279—290 и других действующих статей УПК.

По вопросу о состязательности в уголовном процессе и роли защиты в нем наметились различные точки зрения. Одни присоединялись всецело к докладчику, другие, на основании судебного опыта, считают устранение состязательности и защиты в уголовном процессе реформами несвоевременными и невызываемыми соображениями жесткой репрессии. Для некоторых выступавших товарищей представляется неясной предлагаемая структура организации защитников при профессиональных союзах и роли рабочих-адвокатов, о которых упоминал в своем выступлении докладчик.

Выступавшие оппоненты члены коллегии защитников и ряд других судебных работников, расценивают проект нового УПК как искусственное нововведение в уголовную политику и уголовный процесс, в частности.

Сужение процессуальных гарантий обвиняемого, якобы диктуемое необходимостью усиления судебной репрессии, как и создание исключительных судов, признается началами, не отвечающими твердо наметившемуся курсу общей уголовной политики Советской власти, нашедшему свое практическое отражение в законодательных актах Советского Правительства от 31 октября 1927 г., созданных и опубликованных во исполнение манифеста 2 сессии ЦИК Союза ССР IV Созыва от 15/X 1927 года и в постановлениях Верховного Суда об общем снижении мер социальной защиты и сужении круга действий, влекущих за собой уголовное преследование.

Противники проекта нового УПК выступают со следующими основными возражениями:

1) Новый проект УПК в своей редакционной неясности рождает у некоторых товарищей настроения полной ликвидации уголовного процесса в формах и приемах, сложившихся в наших судах до настоящего времени. Это ликвидаторское настроение невольно в поисках новых форм судопроизводства сталкивается с идеей возрождения судебного института времен розыскного процесса с канцелярско-бумажным механизмом, без участия защиты и подменой состязательности сторон докладом и рождает в умах некоторых судработников, на первый взгляд, твердое убеждение в своевременности такой реформы.

2) В техническом отношении предлагаемый проект УПК с постатейным наказом представляет собою серьезную угрозу проведению в жизнь начал революционной законности.

Обилие статей наказного характера, изменяемые и дополняемые ведомственными распоряжениями НКЮ, становятся в редакционном отношении неизвестными, в техническом отношении недоступными не только широким слоям трудящегося населения, но и лицам, призванным к отправлению правосудия.

Курс на стабилизацию и популяризацию советского законодательства ныне пытаются заменить курсом на разбухающую ведомственную циркулярщину вокруг и около уголовного процесса.

465 действующих статей УПК, объединенных в одной книжке, всем и каждому доступной, с принятием нового УПК должны будут заменяться сотнями, сейчас уже и тысячами изменениями и дополнениями, впредь статьями наказного характера. Вспоминаются всего 192 статьи Кодекса Законов о труде и рядом 5 объемистых печатных томов по 500—600 страниц разъяснений, дополнений и изменений к этому Кодексу, делающих элементарный и гибкий трудовой процесс совершенно недоступным рабочему и работнице и неизбежным участие в нем профессионального защитника.

3) При социальном составе трудящихся по основным преступлениям, выражающемся в 85—90% рабочих и крестьян (см. таблицы УПК В. С.), вопрос о процессуальных гарантиях подсудимому, о защите и мерах репрессии нуждается в более глубоком и серьезном исследовании, чем это делают сторонники нового проекта УПК.

Задача правильно организованного классового суда не только усиленной мерой репрессии наказать виновника преступления, но и выяснить материальную истину, обстановку преступления, политические и социальные мотивы и причины, это преступление порождающие.

Принципы состязательности в уголовном процессе, всестороннее исследование на судебном следствии с участием сторон обстоятельств дела, логическое развитие и объяснение их в прениях—это то лучшее, что до настоящего времени создано человеческой мыслью. Указание на то, что гласность и устность, т. е. состязательный процесс, не заслуживает внимания и подлежит уничтожению, как «сколок современного буржуазного процесса», не заслуживает внимания, как не заслуживало бы внимания и одобрения предложение разбить зеркала, унаследованные от буржуазии, и некогда отражавшие буржуазные фигуры.

Противники проекта нового УПК по вопросу сужения роли защиты в процессе (редакция 2-я, ст. 15, п.п. 2 и 4 и др.) указывают на то, что «защита в советском суде так же служит интересам истины и государства, как и прокуратура и сам суд» (А. Вышинский. «Энциклопедия государства и права». Вып. I, стр. 62), что «только требование укрепления революционной законности в стране вызвало необходимость организации прокуратуры и адвокатуры» (Доклад чл. колл. НКЮ тов. Черлуцакевича на IV съезда работников юстиции), что

«Советская власть никому не отказывает в правосудии, и для того, чтобы обсудить степень виновности подсудимого и условия, в которых преступления совершены, признает состязание сторон, обвинение и защиту» (Я. Н. Бранденбургский. «Рев. законность, прокуратура и адвокатура»—журн. «Сов. Право» № 2).

Касаясь вопроса реорганизации адвокатуры и создания института государственной защиты, выступавшие по докладу оппоненты указывали на искусственность подобной идеи, требующей переделки самой природы людей.

Они доказывали, что никакими запрещениями, никакими декретами, никакими письменными бумагами устранить частной практики не представляется возможным. В подтверждение этого противники реорганизации адвокатуры на началах правозаступничества ссылаются на постановление III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции (июнь 1920 г.), отвергающее существование защиты, как государственной организации, равно подтверждающей правильность своей точки зрения ссылкой на доклад т. Крыленко об адвокатуре на IV Всероссийском съезде деятелей сов. юстиции, подтвердившего невозможность перехода адвокатуры на принципы государственной ведомственной организации.

Указав на моменты резких противоречий в проекте нового УПК с точкой зрения ответственных деятелей советской юстиции на советскую адвокатуру, выступавшие товарищи указывали и на ряд других искусственных и необоснованных положений, содержащихся как в проекте нового УПК, так и в тезисах о реформе УПК. К числу таких необоснованных положений оппоненты относили и п. 3 тезисов Коллегии НКЮ от 9 июня 1927 г., трактующий об «использовании буржуазной защитой формальных гарантий для избавления классовых противников революции от пролетарской репрессии, в особенности по делам о хозяйственных преступлениях, отчасти о должностных преступлениях и по всем делам о контр-революционных преступлениях» («Е. С. Ю.» № 47 стр. 1472).

Рассматривая настоящий тезис, как противоречащий постановлению Президиума Верховного Суда по докладу Уголовно-Судебной и Кассационной коллегий об удовлетворительном подходе судов к должностным и хозяйственным преступлениям в 1927 году (п. «в» протокола № 33 Президиума В. С. от 15/XI—27 г.), выступавшие по докладу оппоненты подчеркивали необоснованное и незаслуженное обвинение советской защиты в пособничестве классовым врагам избавиться от пролетарской репрессии.

Большой интерес, проявленный судебными работниками Таганрогского округа и рабочими массами к вопросам предстоящей судебной реформы, ставит в настоящее время перед юридическим обществом задачу дальнейшего проведения обсуждения проекта нового УПК, нашедшего как сторонников, так и своих противников.

г. Таганрог Северо-Кавказского края.

Михайленко.

Систематический указатель юридической литературы за февраль 1928 г.

I.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРАВА.

В. В. Соколов. Права женщины по советским законам. Изд. 3-е перераб. и дополн. Юрид. из-во Наркомюста РСФСР. М. 1928. 72 стр. с диаграм. Ц. 50 коп.

С. Ф. Кечекьян. О толковании законов судом («Право и Жизнь» кн. 1).

С. А. Котляревский. Правовые элементы плановых актов («Советское Право» № 1).

М. Михайлик. Пятнадцатый Съезд ВКП и задачи органов юстиции («Вестник Советской Юстиции» № 3).

И. С. Перетерский. О методике преподавания правовых дисциплин в университете («Советское Право» № 1).

И. П. Разумовский. Маркс и гегелевская философия права (окончание). («Революция Права» № 2).

П. И. Стучка. Культура и право («Революция Права» № 2).

А. Я. Эстрин. Пятнадцатый Партезд и вопросы права («Революция Права» № 2).

II.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

В. К. Дябло. Судебная охрана конституций в буржуазных государствах и в Союзе ССР. Юрид. из-во Наркомюста РСФСР. М. 1928. 118 стр. Ц. 1 р. 85 коп.

В. А. Померанцев и И. Л. Любимов. Действующие распоряжения по милиции. Постановления, циркуляры, приказы и инструкции. Сист. сборник с пояснениями. Под ред. И. Ф. Киселева. 2-е перераб. изд. Из-во НКВД. М. 1928. 775 стр. с илл. и черт. Ц. 4 р. 50 коп. в переплете.

Г. Н. Амфитеатров. Земельное общество и сельсовет («Революция Права» № 2).

М. В. Боднар. О судебной милиции («Административный Вестник» № 2).

М. Болдырев. О достижениях и недочетах низового советского аппарата («Власть Советов» № 7).

Бородин. Горисполкомы нужно упразднить («Власть Советов» № 3).

А. Буценко. Права местных советов и исполкомов («Власть Советов» № 8).

В. Власов. О взаимоотношениях автономных областей, входящих в состав краевых объединений, с органами краевой власти («Административный Вестник» № 8).

Гедике. О взаимоотношениях сельсоветов с земельными обществами («Власть Советов» № 7).

М. Гуничев. Исполкомы и райисполкомы в городах не нужны («Власть Советов» № 8).

Ф. Днепровский. Нужно ли ликвидировать секции при райисполкомах и сельсоветах («Власть Советов» № 7).

М. Еремеев. Взаимоотношения необъединенных наркоматов РСФСР и автономных наркоматов автономных республик («Советское Строительство» № 1).

И. Ефимов. К вопросу об упрощении уездного советского аппарата («Власть Советов» № 8).

П. Зайцев. О перенесении переыборной кампании на осень 1928 года («Советское Строительство» № 1).

А. Золотаревский. Сельские советы и борьба с преступностью («Власть Советов» № 7).

В. Игнатьев. О правах краевых, губернских, окружных и районных органов власти («Советское Строительство» № 1).

Л. Ключевский. О функциональной деятельности и структуре адморганов («Административный Вестник» № 2).

Е. А. Коровин. Вопросы международного права переходного периода («Международное Право» № 1)¹.

Н. Кудрявинков. Об отчетности советов и исполкомов («Власть Советов» № 6).

В. Лахтин. Проблемы суверенитета государства на воздушном пространстве («Международное Право» № 1)¹.

Левичев. Новые формы связи депутатов с избирателями («Власть Советов» № 7).

Лютин. К вопросу об отчетности советов («Власть Советов» № 7).

С. Свириновская. Об избирательной отчетности («Власть Советов» № 8).

М., Г. Строительство национальных автономий («Власть Советов» № 3).

Никитин. О судебной милиции («Административный Вестник» № 2).

Е. Б. Пашуканис. К вопросу о задачах советской науки международного права («Международное Право» № 1)¹.

В. Пащевский. О постановке отчетности в низовом советском аппарате («Власть Советов» № 6).

М. А. Плоткин. Об общесоюзной советской системе норм частного международного права («Международное Право» № 1)¹.

В. Померанцев. К кампании по борьбе с самогеноварением («Административный Вестник» № 2).

А. В. Сабанин. Международное право в советском праве («Международное Право» № 1)¹.

С. Н. Соловьев. К вопросу об избирательной реформе во Франции («Советское Право» № 1).

Л. Саттелитов. Секции при райисполкомах необходимы («Власть Советов» № 3).

И. Хамармер. Нужны ли отчетные доклады на выборных собраниях («Власть Советов» № 3).

А. Черемушкин. Закон о сельских исполнителях и практика его применения («Власть Советов» № 8).

А. Черемушкин. Об избирательной отчетности («Власть Советов» № 7).

III.

ТРУДОВОЕ ПРАВО.

Б. Барит и Б. Милютин. Социальное страхование. Пособие для страховых курсов и профшкол. Из-во «Вопросы Труда». М. 1928. 208 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Н. М. Наумов. Советское социальное страхование. Как получить обеспечение. Составлено по законоположениям, изданным до 1/1 1928 г. Изд. Лигр. губпрофсовета. Лигр. 1928. 116 стр. Ц. 90 коп.

Радишевский. Что должен знать рабочий-грузчик о своих трудовых правах. Из-во «Вопросы Труда». М. 1928. 39 стр. Ц. 20 коп.

И. Л. Чернявский. Оплата командировок и перемещений в Союзе ССР и за границей. Сист. сборн. декр., пост., инстр., правил, циркуляров и разъяснений. Практика НКТ Союза ССР, РСФСР и других ведомств. Под ред. М. С. Бухова. Из-во «Право и Жизнь». М. 1928. 97 стр. Ц. 80 коп.

Андерсон. По поводу предложения Ю. Ларина («Пролетарский Суд» № 3—4).

Порай-Кошиц. О регулировании рабочего времени в милиции («Административный Вестник» № 2).

Л. Давидович. Недоуменный вопрос конфликтной практики («Рабочий Суд» № 4).

В. Звенов. К вопросу о волоките по трудделам («Рабочий Суд» № 4).

¹ «Международное право» — орган секции международного права о-ва деятелей сов. права при I МГУ.

А. Киндель. О борьбе с волокитой в разрешении трудовых конфликтов («Вопросы Труда» № 2).

А. Кусиков. Ответственность заказчика за долги подрядчика трудящимся. (Окончание) («Вопросы Труда» № 2).

В. Радус-Зенькович. О борьбе с волокитой в трудовых делах («Вопросы Труда» № 2).

В. Радус-Зенькович. О борьбе с волокитой о трудовых делах («Вестник Советской Юстиции» № 3).

Р., А. Об усиленных выходных пособиях («Рабочий Суд» № 4).

Ф. Сафонов. Надзор за применением наемного труда в сельском хозяйстве («Рабочий Суд» № 4).

А. М. Стопани. Об улучшении порядка прохождения трудовых дел («Вопросы Труда» № 2).

А. Торосян. Право на пенсию во время нахождения под стражей («Вопросы Страхования» № 6).

И. Троицкий. Льготы по работе в отдаленных местностях Союза ССР («Вопросы Труда» № 2).

Л. Фриц. Досрочное снятие с пособия по безработице («Вопросы Страхования» № 6).

IV.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО.

Я. И. Аронсон. О пределах правомочий домохозяина крестьянского двора («Вестн. Сов. Юст.» № 3).

Е. К вопросу о правах «стариков» при разделе («Вестн. Сов. Юст.» № 3).

С. Извеков. О работе земельных комиссий по новой подсудности («Сельско-Хозяйственная Жизнь» № 6).

С. Извеков. Работа земельных комиссий по новой подсудности («Рабочий Суд» № 4).

С. Н. Извеков. Сельско-хозяйственные секции и землепользование («Сельско-Хозяйственная Жизнь» № 8).

Юр. К—ский. О неправильном применении 26 ст. Зем. Код.

М. Лацис. Общие начала землепользования и землеустройства («Власть Советов» № 6).

М. Лацис. Основные начала землеустройства и землепользования. (Окончание) («Власть Советов» № 7).

В. Лихачев. Споры об усадьбах («Сельско-Хозяйственная Жизнь» № 9—10).

Т. Мирошкин. Раздел двора и фактический брак («Сельско-Хозяйственная Жизнь» № 7).

Проф. Ф. Г. Некрасов. Истолкование Земельного Кодекса в судебной и административной практике («Вестник Сов. Юст.» № 3).

Ф. Г. Некрасов. К вопросу об объединении и слиянии крестьянских дворов («Вестн. Сов. Юст.» № 2).

Юрий Пассевин. О членстве в селянском дворе («Вестн. Сов. Юст.» № 1).

И. Поляков. Еще раз о делах по семейно-имущественным разделам («Сельско-Хозяйственная Жизнь» № 7).

Е. В. Пржевальский. Примечание к 67 ст. Зем. Код. УССР («Вестн. Сов. Юст.» № 1).

Т. Скольнико. Какие земельные дела разбирает народный суд («Спутник нарзаседателя» № 2).

В. А. Тимченко. 82 ст. Земельного Кодекса («Вестн. Сов. Юст.» № 2).

И. Шулейкин. О классовой линии в землеустройстве («Сельско-Хозяйственная Жизнь» № 6).

V.

СУДОУСТРОЙСТВО.

Лев Ахматов. Реорганизация адвокатуры («Вестн. Сов. Юст.» № 1).

М. Днепров. Тезисы о реорганизации адвокатуры («Вестн. Сов. Юст.» № 1).

В. Звенов. О заветах Ленина, задачах суда и правах и обязанностях народного заседателя («Спутник Нарзаседателя» № 1).

Н. Лаговьер. Движение прокурорского состава РСФСР (1925—1927 г.г.) («Рабочий Суд» № 3).

Н. Гр. Юрисконсульты и хозяйственники («Рабочий Суд» № 4).

Б. Г. Подольский. Тезисы о реорганизации адвокатуры («Вестн. Сов. Юст.» № 1).

М. Полевой-Генкин. Задачи РКИ по обследованию средних и высших звеньев суда и прокуратуры («Вестн. Сов. Юст.» № 1).

VI

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, БРАЧНОЕ, СЕМЕЙНОЕ И ОПЕКУНСКОЕ ПРАВО.

Хр. Бахчисарайцев и С. Драбкин. Гражданские Кодексы союзных республик—РСФСР, УССР, БССР, УзССР, Туркмен-ССР и по ЗСФСР—ССР Грузии и Азербайджанская ССР. Юрид. из-во НКЮ РСФСР. М. 1928. 280 стр. Ц. 2 р. 90 коп.

Проф. А. Г. Гойхбарг. Курс гражданского процесса. Научно-полит. секцией ГУС'а допущен в качестве учебного пособия для вузов. Госиздат. М.—Лингр. 1928. 320 стр. Ц. 4 руб.

Аш. Возможно ли существование двух патентов на одно и то же изобретение («Вестн. Комитета по делам изобретений» № 2).

Проф. В. И. Бошко. К вопросу об установлении отцовства («Вестн. Сов. Юст.» № 2).

Н. Г. Вавин. Постановление ВЦИК и СНК о дополнении Положения о векселях приложением к ст. 2 («Право и Жизнь» кн. 1).

Б. Ватац. К вопросу о содержании и системе будущего гражданского кодекса («Вестн. Сов. Юст.» № 2).

В., Н. О применении новой таксы оплаты по исполнению решений («Пролетарский Суд» № 3—4).

Ф. В. Дьяков. Гражданский Кодекс Азербайджанской Советской республики («Вестн. Сов. Юст.» № 2).

А. Каляев. Иски за увечье («Спутн. Нарзаседателя» № 2).

В. Кесарев. Содействие суда тяжущимся в ограждении их прав («Спутник Нарзаседателя» № 2).

Проф. Б. С. Мартынов. Гражданский Кодекс и хозяйственное право (к проекту хозяйственных законов УССР) («Вестн. Сов. Юст.» № 1).

Проф. Б. С. Мартынов. Принудительная лицензия по действующему патентному законодательству СССР («Вестн. Ком. по дел. изобретений» № 1).

С. И. Раевич. Подготовка общегосударственной кодификации гражданского права в Польше («Советское Право» № 1).

С. И. Раевич. Великая французская революция и наследственное право («Советское Право» № 1).

Г. Д. Рындзюнский. Из судебной практики по спорам о правах на изобретения («Вестн. Комитета по делам изобретений» № 2).

Р., Д. Юридическая природа контокоррентного счета («Вестн. Сов. Юст.» № 2).

Г. М. Свердлов. Об имуществе супругов («Советское Право» № 1).

В. И. Серебровский. Завещание или договор («Право и Жизнь» кн. 1).

Тимофеев. О статье 254 ГПК («Пролетарский Суд» № 3—4).

Ф. Троицкий. Вексельная оговорка («Пролетарский Суд» № 3—4).

П. С. Эйбушитц. К новому закону об акционерных обществах («Право и Жизнь» кн. 1).

М. И. Шнейдман. Применение разноместных законов в области морского права («Право и Жизнь» кн. 1).

С. Ястржембский. Вопросы авторского права в практике Мосгубсуда («Пролетарский Суд» № 3—4).

VII.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА И СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА.

Н. П. Бруханский. Судебная психиатрия. С предисл. проф. П. Б. Ганнушкина. Из-во М. и С. Сабашниковых. М. 1928. 439 стр. Ц. 6 р. 75 коп.

А. А. Герцензон. Борьба с преступностью в РСФСР. По материалам обследования НК РКИ СССР. Под ред. и с предисл. В. А. Радус-Зеньковича. Юрид. из-во Наркомюста РСФСР. М. 1928. 162 стр. Ц. 1 р. 30 коп.

Д-р Я. М. Коган. Татуировка у преступников. С рис., табл. и диагр. Од. 1928. 64 стр. Ц. 1 р.

Проф. С. В. Познышев. Преступники из-за алиментов. Типы их и меры борьбы с ними. Госиздат. М.—Лингр. 1928. 164 стр. Ц. 1 р. 10 коп.

И. Н. Якимов и П. П. Михеев. Искусство допроса. Прак-

тическое пособие для допрашивающих. Из-во НКВД. М. 1928. 64 стр. Ц. 65 коп.

И. Н. Якимов. Опознавание преступников. М. 1928. 56 стр. Ц. 65 коп.

М. Андреев. Мотивированный или немотивированный приговор («Рабочий Суд» № 4).

Ю. Бехтерев. К вопросу о самообразовании и заочном обучении заключенных в исправительно-трудовых учреждениях РСФСР («Административный Вестник» № 2).

А. В. Бразюкевич. О структуре и формах работы уголовного розыска («Административный Вестник» № 2).

И. А. Вайсберг. Вопросы рационализации следствия в связи с новым Уг.-Проц. Кодексом («Вестн. Сов. Юст.» № 3).

Ф. Вереницын. Что такое условное осуждение и условно-досрочное освобождение и как их применять («Спутник Нарзаседателя» № 2).

А. Викторов и М. Хаст. Еще о наблюдательных производствах («Вестн. Сов. Юст.» № 3).

А. Викторов и М. Хаст. О возбуждении уголовного преследования прокуратурой («Вестн. Сов. Юст.» № 2).

Г. И. Волков. Ответственность по совокупности преступлений («Вестник Сов. Юст.» № 3).

А. Волож. Гипноз и возможность его применения в судбно-следственной работе («Вестн. Сов. Юст.» № 2).

Н. Вяткин. Об установлении твердого срока ведения расследования («Рабочий Суд» № 4).

А. А. Герцензон. Основные тенденции динамики преступности за десять лет («Советское Право» № 1).

Гершович. Несколько слов о реформе УПК РСФСР («Вестн. Сов. Юст.» № 1).

И. Дерзибашев. Предел упрощения (К вопросу о немотивированном приговоре) («Рабочий Суд» № 4).

А. А. Елисеев. Преступление и экспертиза почерка («Вестн. Сов. Юст.» № 3).

О. Зайцева. Подлежат ли оплате кассопроцессными жалобы по делам, вытекающим из уголовного процесса (ст. 304 УПК) и рассмотренным в гражданском суде по инициативе суда уголовного («Вестн. Сов. Юст.» № 1).

Л. Корнблитт. Итоги проведения амнистии к десятилетия октября («Рабочий Суд» № 3).

Н. Лаговьер. К упрощению уголовного процесса («Власть Советов» № 6).

А. М. Либерман. О реформе уголовного процесса в РСФСР («Вестн. Сов. Юст.» № 1).

П. И. Люблинский. О мерах пресечения взамен поручительства или залога («Право и Жизнь» кн. 1).

Г. Мерзн. Замечания к реформе Угол.-Проц. Кодекса («Рабочий Суд» № 3).

Н. Немцов. К вопросу о судьбе института защиты в советском суде («Рабочий Суд» № 3).

И. А. Окаринский. Судьба обвиняемого до представления требуемого поручительства или залога («Право и Жизнь» кн. 1).

А. А. Пионтковский. Энрико Ферри (фашизм и позитивная школа уголовного права¹⁾) («Советское Право» № 1).

Понятовский. Карательно-судебная политика и исправительно-трудовая политика («Административный Вестник» № 2).

Серебряков. Об организации системы управления местами заключения («Административный Вестник» № 2).

А. Трапезников. Нужен ли губернский орган по управлению местами заключения («Админ. Вестн.» № 2).

Н. Л. Угнивый. Об амнистии по делам по ст. 89 Уголовного Кодекса («Вестн. Сов. Юст.» № 2).

Н. Филин. Гипноз и возможность его применения в судбно-следственной работе («Вестн. Сов. Юст.» № 2).

П. Б. Франк. Деяния с квалифицированными последствиями («Вестн. Сов. Юст.» № 2).

В. Челышев. Суд и защита («Рабочий Суд» № 3).

Е. Г. Шарвиндт. Вопросы судебно-карательной политики на XV Съезде ВКП (б) («Советское Право» № 1).

С. В. Эйсман. О неопределенных приговорах¹⁾ («Вестн. Сов. Юст.» № 1).

Вл. С.

¹⁾ Окончание. Начало см. «Вест. Сов. Юст.», 1927 г. № 24.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Выписка из распоряжения № 14.—Цирюляры НКЮ: №№ 44, 45, 46, 47, 51.

Выписка из распоряжения № 14 по Народному Комиссариату Юстиции и Прокуратуре Республики от 16 марта с. г.

Часть первая.

§ 7.

Цирюляром по Прокуратуре Республики от 29/VI—27 года № 115 в целях сокращения излишней переписки и ускорения прохождения и разрешения жалоб и заявлений, поступающих на имя Прокурора Республики, с 1 июля того же года был установлен упрощенный порядок передачи Прокуратурой Республики этих жалоб и заявлений непосредственно участковым помощникам прокурора по принадлежности. Однако, по имеющимся в НКЮ сведениям Общим Управлением Прокуратуры Республики и Прокуратурой Верховного Суда РСФСР жалобы и заявления вопреки циркуляра № 115 направляются до сего времени через губернских (краевых, областных) прокуроров.

Предлагается точно и неуклонно выполнять установленный циркуляром № 115 порядок направления жалоб и заявлений.

При обнаружении случаев нарушения на виновных будет наложено дисциплинарное взыскание.

Нар. Ком. Юстиции и Прокурор Республики Янсон.

Член Коллегии НКЮ, Зав. Отд. Общ. Управления Алимов.

Цирюляры НКЮ.

Цирюляр № 44.

Всем крайим, областным и губернским прокурорам и председателям судов.

Копия: прокурорам автономных республик.

О применении амнистии к 10 годовщине Октябрьской революции.

Президиум ЦИК СССР в заседании от 14/III с. г. в раз'яснение п. 3 акта амнистии ЦИК СССР к X годовщине Октябрьской революции вынес следующее постановление:

«1. Обязательное отбытие осужденными трудящимися половины срока, назначенного судебными приговорами и всеми остальными осужденными двух третей установленного судебными приговорами срока, требуется ст. 3 амнистии Президиума ЦИК Союза ССР от 2 ноября 1927 г. лишь для осужденных, к которым не применено распределительными комиссиями условно-досрочного освобождения.

2. Ст. 3 амнистии ЦИК Союза ССР от 2 ноября 1927 г. не исключает применения к осужденным условно-досрочного освобождения, при чем по отношению к осужденным, подпадающим под действие амнистии, условно-досрочное освобождение применяется в соответствии со ст. 458 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР и аналогичных статей уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик, т.е. исходя из срока, назначенного им судебными приговорами, с вычетом сокращаемого п. 3 амнистии от 2 ноября 1927 г. срока содержания под стражей, т.е. за вычетом половины или одной трети назначенного судебным приговором срока для соответствующей категории осужденных».

На основании этого НКЮ в изменение ранее данных раз'яснений предлагает:

1) ввести на рассмотрение в распределкомиссии все личные дела заключенных, подпадающих под действие амнистии, с тем, чтобы в соответствии с п. 3 акта амнистии и приведенным выше раз'яснением ЦИК СССР произвести сокращение сроков лишения свободы для трудящихся на половину определенного приговором срока, и для всех остальных—на 1/3.

2) Распределкомиссиям рассмотреть все дела заключенных, осужденных судами после издания акта амнистии за преступления, совершенные до амнистии, с тем, чтобы подпадающим под амнистию осужденным произвести такое же сокращение сроков.

3) В дальнейшем суды при вынесении приговора, осуждающего к лишению свободы, применяют амнистию в виде сокращения сроков вне зависимости от назначенного приговором срока, руководствуясь соответствующими пунктами амнистии.

4) К лицам, подпавшим под действие амнистии, условно-досрочное освобождение применяется в соответствии с 458 ст. УПК, исходя из сокращенного амнистией срока лишения свободы, однако, с соблюдением особой осторожности в отношении социально-опасных преступников, при применении ст. 16 п. 5 ИТК.

5) Исполнение п.п. 1 и 2 сего циркуляра производится в месячный срок.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики Янсон.

28 марта 1928 года.

Цирюляр № 45.

Край, обл. и губсудам.

Об учете нотариусов и их заместителей.

Согласно постановления Коллегии Народного Комиссариата Юстиции от 26 января с. г., учет нотариусов и их заместителей сосредоточивается в Учраспреде НКЮ. Учет данных работников будет производиться применительно к утвержденному положению по учету личного состава и изданных в развитие данного положения циркулярных распоряжений НКЮ.

В виду того, что никаких сведений на нотариусов и их заместителей в НКЮ не имеется, предлагается выслать в Учраспред НКЮ к 1 мая с. г. выписки из трудовых списков и краткие автобиографии на нотариусов и их заместителей, где таковые имеются. В дальнейшем при всяком назначении, увольнении и перемещении указанных работников надлежит своевременно сообщать о том в Учраспред, при назначении—справкой о движении по ф. № 79 с приложением на вновь назначенных выписки из трудового списка и автобиографии, а при увольнении или перемещении—простым отношением, но с обязательным сообщением причин увольнения или перемещения.

На нотариусов и их заместителей также должна составляться деловая оценка с соблюдением правил, указанных в циркуляре НКЮ от 16 июня 1927 г. за № 96, и применительно к деловой оценке ответственных работников в органах юстиции и в сроки, установленные этим циркуляром, и представляться один раз в год к 1 сентября.

Нар. Ком. Юстиции и Прокурор Республики Янсон.

Член Коллегии НКЮ Алимов.

28 марта 1928 года.

Цирюляр № 46.

ВСЕМ КРАЕВЫМ, ОБЛАСТНЫМ И ГУБЕРНСКИМ СУДАМ.
ВСЕМ ОБЛ. И ГУБЗЕМУПРАВЛЕНИЯМ И РАЙОННЫМ И
ВОЛОСТНЫМ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ КОМИТЕТАМ.

Копия: крайим, областным и губернским исполнительным комитетам.

Инструкция

о договорах купли-продажи и залога строений, расположенных в сельских местностях.

Вследствие предложения Совета Народных Комиссаров РСФСР от 9 января 1928 года о пересмотре циркуляра НКЮ, НКФ и НКЗ/НКЮ № 142 и НКЗ № 267 (51—33) от 30 июля 1927 г. «о залоге строений на землях трудового пользования», устанавливаются следующие правила о порядке совершения и регистрации договоров купли-продажи и залога строений, расположенных в сельских местностях.

§ 1. Регистрации в сельсоветах подлежат все договоры купли-продажи строений не на снос и перенос, а равно залога

строений: 1) расположенных на землях трудового пользования, независимо от того, расположены ли строения на землях, предоставленных дворам (хозяйствам), сельскохозяйственным объединениям (коммунам, артелям, товариществам, кооперативам), ведущим или не ведущим трудовое сельскохозяйственное хозяйство, либо отдельным лицам, не ведущим трудового сельскохозяйственного хозяйства, земельным обществам; 2) расположенных на землях, являющихся государственным земельным имуществом.

§ 2. Договоры отчуждения и залога строений, расположенных на землях, предоставленных в порядке ст. 155 Зем. Код. для специальных целей государственным учреждениям и предприятиям, в сельсоветах не регистрируются.

§ 3. Отчуждение строений на снос и перенос нигде не регистрируется.

§ 4. Для договоров купли-продажи и залога строений, указанных в §§ 1 и 2, нотариальное удостоверение не обязательно. Однако, по желанию сторон эти договоры могут быть удостоверены нотариально в нотариальных конторах или ВИК'ах (РИК'ах).

А. Договоры об отчуждении строений, расположенных на землях трудового пользования.

§ 5. Договоры купли-продажи строений не на снос и перенос регистрируются сельскими советами в графе 79 подворной книги с соблюдением всех правил главы IX инструкции по учету, отчетности и делопроизводству в сельсоветах. На договоре делается за подписью председателя сельсовета отметка о времени регистрации договора с указанием № хозяйства, от которого строение отчуждается. Если хозяйство уже зарегистрировано по подворной книге, то о покупке делается отметка в соответствующей подворной книге, в которой зарегистрирован двор (хозяйство) покупателя.

§ 6. При регистрации проверяется по подворной книге принадлежность строения продавцу, наводится справка о том, не заложено ли строение и нет ли арестов; выясняется, согласны ли члены двора на отчуждение строения, при чем в удостоверение согласия члены двора дают подписку. Покупщик должен представить удостоверение земельного общества или земельных органов о согласии на передачу покупщику права на землю под строением. Если строение заложено, то оно может быть продано лишь с согласия залогодержателя с переводом долга на нового покупателя.

§ 7. Договоры купли-продажи строений оплачиваются пропорциональным гербовым сбором в размере $\frac{1}{2}\%$ с суммы договора.

Если строение отчуждается в периоде землеустроительных работ и о продаже или обмене их заносится в протокол землеустроительных работ без составления акта продажи или обмена, то гербовый сбор не взимается.

За регистрацию договора в сельсовете взимается особый регистрационный сбор в размере $\frac{1}{4}\%$ суммы договора—для договора не свыше 100 рублей и в размере $\frac{1}{2}\%$ —для договора свыше 100 рублей.

§ 8. Сельсовет регистрирует в графе 79 подворной книги договоры, нотариально удостоверенные в нотариальной конторе или в ВИК'е (РИК'е), на основании присылаемой нотариальной конторой или ВИК'ом (РИК'ом) копии договора (§ 13). На присланной копии делается за подписью председателя сельсовета отметка порядком, указанным в § 5. Регистрационный сбор не взимается.

§ 9. Такая же отметка делается на втором экземпляре нотариально удостоверенного договора, представляемом покупщиком (§ 14). Сбор при этом не взимается.

§ 10. Для нотариального удостоверения, по желанию сторон, договоров купли-продажи строений в нотариальных конторах или ВИК'ах (РИК'ах) требуются следующие документы: 1) удостоверение сельсовета о принадлежности строения; 2) справка сельсовета о залогах и арестах, зарегистрированных по данному строению (§ 50); 3) удостоверение о согласии земельного общества или земельного органа на передачу покупщику земли трудового пользования, на которой находится продаваемое строение; 4) выписка из подворных списков о составе двора продавца строения, с обозначением домохозяйства; 5) засвидетельствованная сельсоветом подписка членов двора о согласии на отчуждение строения. Сведения по ст. 182 ГК не требуются.

§ 11. При нотариальном удостоверении, по желанию сторон, договора об отчуждении юридическими лицами строений, расположенных на землях трудового пользования, требуются: 1) удостоверение сельсовета о принадлежности строения; 2) справка сельсовета о регистрации договоров залога отчуж-

даваемого имущества и об арестах (§ 50); 3) о согласии земельного общества или земельных органов на передачу покупщику земли, обслуживающей строение. Сведения по ст. 182 ГК не требуются.

§ 12. За нотариальное удостоверение договора отчуждения строения взимается нотариальный сбор в размере 0,6% с суммы сделки, но не менее одного рубля. Если в сделке участвует госорган, учреждение сельскохозяйственного кредита или кооперативная или общественная организация, сбор взимается в размере 0,4% с суммы сделки, но не менее одного рубля.

§ 13. В указанных в §§ 10 и 11 случаях нотариальная контора или ВИК (РИК), по нотариальному удостоверению договора, посылает копию договора для регистрации в подлежащий по месту расположения строения сельсовет.

§ 14. Покупщик должен представить полученный им второй экземпляр нотариально удостоверенного договора в тот же сельсовет для отметки о регистрации, порядком, указанным в § 9.

Б. Договоры о залоге строений, расположенных на землях трудового пользования.

§ 15. Указанные в § 1 циркуляра жилые и хозяйственные постройки, не составляющие неотъемлемой принадлежности сельского хозяйства (п. «и» ст. 271 ГК—«С. У.» 1927 г. № 72, ст. 489), могут служить предметом залога с регистрацией договоров залога в сельском совете по месту нахождения закладываемого имущества.

Составляющие неотъемлемую принадлежность сельского хозяйства жилые и сельскохозяйственные постройки могут быть закладываемы в обществах сельскохозяйственного кредита (сельско-хозяйственных банках) и в кредитно-кооперативных организациях при наличии условий, установленных примечанием 2-м к ст. 271 ГК.

§ 16. Регистрация договоров залога производится тем же порядком, что и регистрация договоров об отчуждении строений (§ 5).

§ 17. Гербовый сбор с договоров залога не взимается.

§ 18. За регистрацию в сельсовете взимается особый регистрационный сбор: при договорах свыше 100 рублей— $\frac{1}{4}\%$ суммы договора, но не свыше 10 рублей. Договоры залога на сумму не свыше 100 рублей регистрируются бесплатно.

§ 19. При регистрации договора залога строений, расположенных на землях трудового пользования, сельсовет проверяет по подворной книге, не заложено ли строение, нет ли на нем арестов (§ 50), опрашивает членов двора, согласны ли они на залог строения, и отбирает в случае согласия подписку.

§ 20. Если закладываемое строение состоит в залоге ранее зарегистрированному договору залога, в условиях договора залога должно быть указано, что строение уже состоит в залоге, с указанием самого договора залога (дата, наименование залогодержателя, срок, сумма залога, отметка о регистрации в сельсовете).

§ 21. Нотариально удостоверенные в нотариальных конторах или ВИК'ах (РИК'ах) договоры залога сельсоветы регистрируют в графе 79-й подворной книги порядком, указанным в § 5-м на основании присылаемой нотариальной конторой или ВИК'ом (РИК'ом) копии договора (§ 25). Регистрационный сбор не взимается.

На представленном залогодержателем экземпляре нотариально удостоверенного договора (§ 25) делается за подписью председателя сельсовета отметка о регистрации договора в подворной книге. Регистрационный сбор не взимается.

§ 22. Справка о зарегистрированных договорах залога и арестах выдается за плату (регистрационный сбор) в один рубль.

§ 23. При нотариальном удостоверении, по желанию сторон, договоров залога строения в нотариальных конторах или ВИК'ах (РИК'ах) требуется представление справок сельсовета о том, что закладываемое имущество не является неотъемлемой принадлежностью сельского хозяйства (§ 1 циркуляра), о зарегистрированных договорах залога и об арестах. Такие справки могут быть затребованы нотариальной конторой или ВИК'ом (РИК'ом) непосредственно путем сношения с подлежащим сельсоветом. Кроме того, должна быть представлена засвидетельствованная сельсоветом подписка членов двора о согласии на залог строения.

Если строение закладывается в обществах сельскохозяйственного кредита (сельско-хозяйственных банках) и кредитно-кооперативных организациях при наличии условий, указанных в примечании 2 к ст. 271 ГК, то справка о том, что строение не является неотъемлемой принадлежностью сельского хозяйства, не требуется.

§ 24. За нотариальное удостоверение договора залога, если договор залога совершается в обеспечение требования, основанного на нотариально удостоверенном договоре, нотариальные конторы и ВИК'и (РИК'и) взимают нотариальный сбор в размере 0,5% с суммы сделки. Если договор залога обеспечивает требование, не основанное на нотариально удостоверенной сделке, нотариальный сбор взимается в размере 0,6% с суммы договора залога, но не менее одного рубля, а если в договоре залога участвует госорган, кооперативная или общественная организация — взимается во всех случаях 0,4% с суммы сделки, но не менее одного рубля. Нотариальные конторы взимают еще надбавку в местные средства.

§ 25. После нотариального удостоверения договора о залоге нотариальная контора или ВИК (РИК) сообщает копию договора в соответствующий по месту нахождения строения сельсовет для регистрации. Договоры на основании присланной копии регистрируются сельсоветах в порядке, указанным в § 5. Регистрационный сбор не взимается.

§ 26. Стороны должны представить выданные им экземпляры нотариально удостоверенного договора залога в подлежащий по месту нахождения строений сельсовет для отметки на договоре о произведенной сельсоветом регистрации. Регистрационный сбор не взимается.

§ 27. В случае продажи заложенных строений с публичного торга лица, допускаемые к участию в торгах, должны представить от земельных обществ или земельных органов, в зависимости от местонахождения строений, справки о согласии на представление в пользование земельного участка под строение в случае, если это строение будет куплено на торгах.

§ 28. Прекращение залога отмечается в графе 79-й подворной книги на основании заявлений залогодержателя или надписи залогодержателя о прекращении залога, сделанный на подлинном договоре залога. Подпись залогодержателя на этом заявлении или надписи должна быть засвидетельствована нотариальной конторой, ВИК'ом (РИК'ом) или сельсоветом. Не требуется засвидетельствование надписей на заявлении или надписи государственного учреждения и госпредприятия, банка, общества сельскохозяйственного кредита или сельскохозяйственной кредитной кооперативной организации. Если о прекращении залога подается заявление, к нему должен быть приложен договор залога.

В. Договоры об отчуждении строений, расположенных на землях, составляющих государственное земельное имущество.

§ 29. Строения, расположенные на землях государственного земельного имущества, предоставленные органами Народного Комиссариата Земледелия в порядке ст. 157 Зем. Код. в пользование государственным и общественным организациям, учреждениям и предприятиям и отдельным лицам, могут быть отчуждаемы не на снос и перенос собственниками строений лишь при условии предоставления органами Наркомзема покупщику в пользование земли под строениями.

§ 30. При регистрации этих договоров в сельсоветах сельсоветы проверяют наличие соглашения с органом НКЗема на передачу в пользование покупщика земли под строением и наводит справки о зарегистрированных залогах и арестах.

§ 31. Договоры оплачиваются гербовым сбором в размере, указанном в § 7, и регистрируются в порядке §§ 8 и 9.

§ 32. При нотариальном удостоверении по желанию сторон договоров в нотариальных конторах, ВИК'ах (РИК'ах) также требуется предоставление сведений, указанных в §§ 29—30. Нотариально удостоверенные сделки регистрируются в сельсоветах в порядке, указанным в §§ 13 и 14.

За Народного Комиссара Земледелия РСФСР Клименко.

Зам. Народного Комиссара Юстиции Председатель
Верховного Суда РСФСР Стучка.

Народный Комиссар Финансов РСФСР Левин.

3 апреля 1928 г.

(Окончание в следующем номере).

Циркуляр № 47.

Всем край, обл. и губпрокурорам.

Копия: прокурорам автономных республик.

Об отмене ц. НКЮ № 87—27 г.

Циркуляр НКЮ № 87—1927 г. отменяется.

В изменение циркуляра № 258—1925 г. предлагается представлять в Общий Отдел Прокуратуры РСФСР следственные акты, перечисленные в разделе первом названного циркуляра, лишь по имеющимся в следственном производстве особо важным или имеющим большое общественное значение делам.

За Прокурора Республики Траскович.

4 апреля 1928 г.

Циркуляр № 51.

Пом. Прокурора Республики при Верховном Суде РСФСР
и всем губ. (обл., окр., край) прокурорам.

О порядке применения ст. 254-6 ГК.

Практика применения ст. 254-6 ГК показала, что в действительности ряда прокуратур имеются не только отдельные случаи отступлений при опротестовании ими решенных гражданских дел от точных указаний закона, но что эти отступления превратились в систему и что, по существу, протест прокуратуры в порядке надзора по 254-6 ст. является сейчас нормальной третьей инстанцией по решенным гражданским делам после того, как они прошли первую и кассационную инстанции.

Такое положение является не только ненормальным, но оно должно быть признано извращающим самое существо работы прокуратуры и основной смысл 254-6 ст., не говоря уже о том, что оно колеблет устойчивость судебных решений и гражданского оборота. Эта статья имеет своей целью вмешательство прокуратуры исключительно в случаях особо важных или случаях принципиальных. Ст. 254-6 ГК ни в коем случае не может быть истолкована в смысле обходного средства для перевершения нормально разрешенных гражданских дел.

В целях немедленного и жесткого изжития этих ненормальных явлений Прокуратура Республики предлагает Пом. Прокурора при Верховном Суде и всем губ. (обл., край, окр.) прокурорам впредь точнейшим образом придерживаться текста 254-6 ст. ГК, допуская протесты по решенным гражданским делам исключительно в случаях:

а) такого существенного нарушения закона, которое принципиально извращает линию судебной политики государства;

б) явного нарушения интересов пролетарского государства;

в) явного нарушения интересов трудящихся масс, совершеного вопреки прямым требованиям закона.

Лишь в этих случаях решение по гражданскому делу может быть прокуратурой опротестовано, во всех остальных случаях должен последовать жесткий отказ. Последнее надлежит усвоить всем прокурорам.

Так как, однако, та же практика показала недостаточное совершенство наших судебных органов при решении ими гражданских дел и высокий процент отмены решений в кассационной инстанции, предлагается:

1) усилить внимание прокуратуры к работе в кассационной инстанции по усмотрению прокуратуры, применительно к 254-6 ст. ГК;

2) усилить работу по обслуживанию трудовых сессий там, где они организованы, и народных судов для выявления решений по трудовым и гражданским делам. Эта работа прокуратуры, проводимая в плановом порядке, должна получить преобладающее значение, статье же 254-6 ГК должно быть отведено в практике прокурорского надзора то место, которое определено ей точным смыслом и волей законодателя.

Народный Комиссар Юстиции
и Прокурор Республики Янсон.

9 апреля 1928 г.

Ответственный Редактор: Нар. Ком. Юст. Н. Янсон.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Редакционная Коллегия

{ Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.